

Глава V.

ИЗУЧЕНИЕ БОСПОРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

5.1. Назначение В.В. Шкорпила

Выше было сказано, что заявление К.Е. Думберга об отставке со своего поста, поданное 12 апреля 1900 г., поставило Императорскую археологическую комиссию в непростую ситуацию, поскольку найти ему замену было очень не просто (см. главу 4.2). Должность заместителя заведующего, как уже говорилось, была давно ликвидирована, а назначать на столь ответственный пост кого-нибудь из музейных надзирателей за раскопками было просто невыносимо. К.Е. Думберг рекомендовал на эту должность В.В. Шкорпила, который тогда был преподавателем древних языков Керченской Александровской гимназии, но уже принимал активное участие в археологических раскопках на Боспоре и являлся смотрителем Мелек-Чесменского кургана, хотя тот и не был объектом музея, а подчинялся Одесскому обществу истории и древностей. Тогда В.В. Шкорпилу было 48 лет, т.е. он был почти на 10 лет старше К.Е. Думберга, имел звание статского советника и несколько орденов [о нём см.: Лазенкова, 2002б; 2003, с. 47 сл.; Медведева и др., 2009, с. 174]. Казалось бы, кандидатура удовлетворяла всем необходимым требованиям, и А.А. Бобринский стал активно уговаривать В.В. Шкорпила принять заведование музеем [1900 г., д. 116, л. 1]. Согласие на это было получено 25 июня 1901 г. [там же, л. 2], и с 15 июля, когда отставка К.Е. Думберга была принята, В.В. Шкорпил стал временно исполнять обязанности директора музея.

Однако для Императорской археологической комиссии этот керченский преподаватель всё-таки был человеком новым, незнакомым. Любопытно, что в официальных документах даже его имя и фамилия поначалу писались неправильно – С.В. Шкорпило [1901 г., д. 116, л. 1, 3]. И.А. Суслов к тому же полагал, что рекомендации К.Е. Думберга недостаточно, и для назначения В.В. Шкорпила на должность необходимо ещё получить аттестации от А.В. Новикова и других известных собирателей боспорских древностей [там же, л. 5]¹. Несмотря на некоторые сложности, 5 января 1902 г. В.В. Шкорпил стал членом ИАК, и на него официально были возложены обязанности заведующего Керченским музеем древностей [там же, л. 22]. В то время под его руководством состоял штат из

¹ Об А.В. Новикове и его деятельности см.: Боровкова, 1999: 74-79; Неверов, 1999.

шести человек: старший надсмотрщик, надсмотрщик, писарь и три сторожа [там же, л. 26].

Все ранее вступавшие в должность заведующего Керченским музеем древностей непременно представляли в Археологическую комиссию некий документ, в котором излагали свой взгляд на состояние боспорской археологии и перспективы её дальнейшего развития. Этот документ мог быть составлен в виде весьма краткой «Программы раскопок» Ф.И. Гросса (см. главу 3.3), более пространного «Общего вывода» С.И. Веребрюсова (см. главу 3.1) и, наконец, в виде трёх рапортов К.Е. Думберга (см. главу 4.2), которые, скорей, следует именовать трактатами. В.В. Шкорпил ничего подобного не писал. После своего назначения он лишь информировал А.А. Бобринского о том, что после осмотра горы Митридат выбрал место для раскопок 1901 г. на участке к северо-востоку от раскопа 1891 г., где исследования вёл сам председатель Археологической комиссии (см. главу 4.9), что оплату рабочим будет выдавать не по кубам вынудой земли, как это до сих пор практиковалось в Керчи и вело к ненужной спешке, а по дням (1 день – 1 человек – 1 рубль), как это делалось при раскопках Ольвии и Херсонеса [1901 г., д. 12, л. 54]. В таком же духе он писал А.А. Бобринскому в 1902 г., что намерен провести раскопки на северном склоне горы Митридат, поскольку там чаще, чем на южном склоне, встречаются обломки крупной древней посуды с рисунками [1902 г., д. 32, л. 65]. Как видим, В.В. Шкорпил делился с петербургским начальством лишь своими соображениями, касающимися вопросов сугубо рабочего характера; каких-либо идей по перестройке работы музея или грандиозного проекта пересмотра боспорской хронологии и т.п. он не предлагал. Вероятно, такая деятельность ему казалась просто неинтересной.

Ещё до официального вступления в должность В.В. Шкорпил стал подыскивать новое место для музея, поскольку квартира, где это учреждение тогда располагалось, не отвечала необходимым требованиям. Более подходящим ему казался верхний этаж дома Женского благотворительного общества, в котором, как представлялось, можно было легко устроить все нужные приспособления для размещения музейной экспозиции и пр. [1901 г., д. 116, л. 44]. Такая деятельность нового заведующего представляется вполне логичной и естественной.

Однако помимо этого у В.В. Шкорпила появляются новые заботы, так сказать, соответствующие новым временам, и прежде всего они были связаны с быстрым ростом масштаба грабительских раскопок. Ещё К.Е. Думберг отмечал, что с 1900 г. в Керчи возобновилось движение «счастливчиков» [1900 г., д. 5, л. 184]. Н.И. Веселовский в письме от 25 июня 1902 г. информировал А.А. Бобринского [1902 г., д. 157, л. 4]:

«В Керчи погоня за древностями достигла больших размеров, и цены

<на них> сделались прямо сумасшедшими. Работа в Керчи теперь в очень хороших руках, и, надо надеяться, дело пойдёт успешно»².

Археологические исследования действительно находились в хороших руках – В.В. Шкорпила, но работать ему приходилось в условиях очень непростых и даже опасных. Показательно, что в письме от 29 октября 1901 г. он обратился к А.А. Бобринскому с просьбой весьма необычного содержания [1901 г., д. 116, л. 14]:

«Желаю возможно лучше организовать надзор над здешними кладовщиками, прошу распоряжения Вашего Сиятельства о высылке вверенному мне музею двух лёгких биноклей в футлярах и на ремешках, а также двух револьверов с соответствующим числом патронов».

На письме имеется резолюция – «повременить».

Так начиналась деятельность В.В. Шкорпила на посту заведующего Керченским музеем, и можно сказать, что так боспорская археология вступала в XX в., когда нормальная жизнь и работа без револьвера казалась почти невозможной³.

5.2. Императорская комиссия в начале XX в.

Нет смысла говорить, насколько сложным было это время в истории России. Новый век требовал от Императорской археологической комиссии новых подходов к решению стоящих перед ней вопросов и, разумеется, совершенствования её структуры. Не вдаваясь в подробности, необходимо признать, что на этом этапе звезда Боспора Киммерийского, столь ярко сиявшая на российском археологическом небосклоне ранее, начала постепенно бледнеть. Появились две новые звезды античной археологии – Херсонес Таврический и Ольвия. К тому же весьма бурно стали развиваться и другие отрасли знаний о древностях России. Боспор на их фоне мог показаться слишком старомодным, пропахшим нафталином порождением пусть очень эффектной, но всё-таки уже уходящей эпохи. Изучение боспорских древностей, как отмечал М.И. Ростовцев,

² Археологу в чем-то вторил торговец керченскими древностями Е.Р. Запорожский, писавший А.А. Бобринскому в декабре 1903 г.: «Смею Вас уверить, Ваше Сиятельство, что древностей скоро в Керчи не будет, ибо всё почти перекопано; и <поскольку> по весне в Керчи начнётся устройство порта, то цены на древности поднимутся по-прежнему» [1903 г., д. 277, л. 4]. Этот человек, конечно, прекрасно знал предмет, о котором писал.

³ Ранее В.В. Шкорпила, 21 июля 1898 г., с аналогичной просьбой в ИАК обращался К.Е. Думберг. Он считал, что револьвер необходимо выдать сторожу Царского кургана, чтобы тот мог защититься от хулиганствующих строителей Брянского металлургического завода. Револьвер тогда сторожу не выдали, но около входа в галерею кургана были построены ворота, так что туда могли войти лишь «интеллигентные лица» [1898 г., д. 30, л. 56].

оставалось областью «частью случайного, частью quasi-научного использования некрополей и курганов с целью добывания музейных вещей» [Ростовцев, 1925, с. 260-261].

В деятельности Императорской археологической комиссии продолжали возникать немалые трудности, о некоторых уже было сказано выше (см. главу 4.1). В начале XX в. обозначилось явное напряжение во взаимоотношениях ИАК с местными музеями, в частности с Кубанским войсковым этнографическим и естественно-историческим музеем (г. Екатеринодар). Его руководство сетовало, что в Петербург или в Керчь забираются лучшие археологические находки, происходящие из Прикубанья. Такая практика, естественно, создавала большие проблемы для формирования полноценной музейной экспозиции, усложняла взаимоотношения со спонсорами («жертвователями», как тогда говорили) и т.д. Складывалась по-настоящему парадоксальная ситуация, когда все самые ценные находки, сделанные в крае, вывозились скупщиками древностей или же забирались Археологической комиссией. В письме, направленном А.А. Бобринскому из Екатеринодара в декабре 1912 г., по этому поводу говорится [1912 г., д. 4, л. 160-161]:

«...если Комиссия будет отбирать вещи из музея, а от кладоискателей или скупщиков приобретать вещи покупкою, то дело хищнических раскопок и тайной купли и продажи не прекратится, так как к тому же и наказания, налагаемые на виновных по суду – 2-3 суток под арест – слишком незначительны. Кубанский музей будет обречён на жалкое существование и может со временем потерять и то пособие, которое из сочувствия и совершенно добровольно приняло на себя войско, несмотря на плохое состояние войсковых сумм».

Вопрос гармонизации взаимоотношений с Кубанским музеем, конечно, требовал своего решения. Ещё более остро стояла проблема штата Императорской археологической комиссии, поскольку вопиющая малочисленность сотрудников сильно тормозила работу учреждения. Не удивительно, что в 1902 г. рассматривался вопрос о расширении штата ИАК до 22 человек, в том числе о включении некоторых новых должностей: товарища председателя, шести членов, трёх их помощников (товарищей), хранителя древностей, фотографа и т.д. Финансирование комиссии предлагалось увеличить почти до 40 тыс. руб. Однако в полной мере эти предложения не были реализованы: штат был утверждён в составе 12 человек, для товарищей членов ИАК, фотографа и хранителя древностей в ней места не нашлось. Финансирование же было предусмотрено в размере 25 500 руб. [1902 г., д. 286, л. 11]. О составе Керченского музея древностей, который по-прежнему входил в структуру Археологической комиссии, было сказано выше.

Отразились ли эти перемены на характере изучения боспорских древностей? На этот вопрос, скорее всего, надо ответить отрицательно, поскольку исследования велись приблизительно по тем же самым направлениям и с теми же самыми задачами, что и на предыдущем этапе (глава 4.1). Вместе с тем, следует обратить внимание, что в начале XX в. в Императорскую археологическую комиссию пришли новые люди, чьи научные интересы были связаны с античными древностями Северного Причерноморья. С июня 1900 г. товарищем, т.е., по тогдашней терминологии, заместителем председателя Императорской археологической комиссии стал выдающийся историк и эпиграфист В.В. Латышев [1913 г., д. 415, л. 1; о нём см.: Жебелёв, 1926; Книпович, 1958; Тункина, 1992; Фролов, 2006, с. 248-292; Медведева и др., 2009, с. 162], в марте 1901 г. членом ИАК был назначен другой видный отечественный антиковед Б.В. Фармаковский [там же, л. 1; о нём см.: Блаватский, 1948; Карасёв, 1948; 1976; Фармаковская, 1988; Медведева и др., 2009, с. 182]. Годом позднее членом-корреспондентом Комиссии стал будущий академик С.А. Жебелёв [там же, л. 3; о нём см.: Гайдукевич, 1941в; Фролов, 2006, с. 294-310; Медведева и др., 2009, с. 194]. Что касается М.И. Ростовцева, то он начал сотрудничать с ИАК в 1905 г., когда приступил к изучению античной декоративной живописи на юге России [о нём см.: Бороздин, 1915; Фролов, 2006, с. 378, 391-420; Медведева и др., 2009, с. 203]; в ряды внештатных членов комиссии он был зачислен 1 сентября 1912 г. [там же, л. 2].

В Архиве ИИМК РАН сохранилось письмо, которое было направлено М.И. Ростовцеву 30 октября 1912 г. [1912 г., д. 226, л. 4]:

«Милостивый государь Михаил Иванович,

Ваши обширные и глубокие знания в области культуры античного мира, Ваши высокоценные научные труды, посвящённые многообразным вопросам классической археологии, и Ваше постоянное деятельное участие в учёной оценке и разработке материалов, добытых раскопками Императорской Археологической Комиссии, побудили меня выразить Вам особое уважение и признательность, и я, с разрешения министра Императорского Двора, назначил Вас сверхштатным членом вверенной мне Императорской Археологической Комиссии с 1 сентября сего года.

Извещая Вас об этом, льшу себя надеждою, что Вы и на будущее время не откажете Комиссии в участии в её занятиях своими учёными трудами и авторитетными указаниями.

Примите уверение в совершенном моём уважении и преданности.

Гр. А. Бобринский».

Принимая приглашение председателя Археологической комиссии, М.И. Ростовцев писал, что в деятельности комиссии его более всего

интересуют не вопросы реставрации памятников старины, «а текущая жизнь её как органа, ведущего раскопки, издающего их результаты и наблюдающего за ходом археологической жизни в России» [1912 г., д. 226, л. 5].

В.В. Шкорпил поддерживал с петербургскими учёными самые тесные, деловые контакты. Увлекаясь греческой эпиграфикой, он несколько раз в год направлял в ИАК скрупулезно подготовленные им сводки новых находок древних надписей, обнаруженных под Керчью и на Тамани. Директор Керченского музея, как и его предшественники, уделял постоянное внимание сбору боспорских надгробий (рис. 91, 92).

Руководство Императорской археологической комиссии вполне осознавало необходимость профессионального роста своих сотрудников, повышения их квалификации. В 1904 г. планировалась поездка по археологическим памятникам Греции, в связи с чем 29 мая 1903 г. В.В. Шкорпилу было направлено письмо [1903 г., д. 74, л. 1]:

«Милостивый государь Владислав Вячеславович,

Императорская археологическая комиссия, сознавая всю важность ознакомления своих сочленов, ведущих практически дело раскопок, с результатами грандиозных археологических раскопок на почве собственно Греции и с применяемым при производстве их методом, предполагала командировать Вас в Грецию и с этой целью входила с ходатайством к управляющему Афинским отделением Немецкого археологического института профессору В. Дёрпфельду о допущении Вас к участию в имеющих состояться в апреле и мае нового стиля 1904 года под его руководством археологических поездках Германского археологического института по Греции.

Получив ныне согласие профессора Дёрпфельда на принятие Вас в число членов указанных поездок, Императорская археологическая комиссия имеет честь уведомить Вас об этом и при сём присовокупляет, что проф. Дёрпфельдом Вам будет прислана программа поездок, по получению коей Вы имеете войти в Комиссию с представлением о снабжении Вас нужными на поездку средствами, заграничным паспортом и соответствующими инструкциями, – если, конечно, командировке не воспрепятствуют Ваши служебные обязанности в Керченской гимназии.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

В. Латышев».

Кроме В.В. Шкорпила, отправиться в поездку по Греции предлагалось также К.К. Косцюшко-Валюжиничу, при этом все расходы (500 руб.) брала на себя Археологическая комиссия. Однако по причине большой занятости, планировавшегося высочайшего приезда в Херсонес и пр. К.К. Косцюшко-Валюжинич

отказался от лестного предложения [1903 г., д. 74, л. 5]. Директор Керченского музея нашёл для этого время и под руководством В. Дёрпфельда осмотрел памятники Древней Греции: путешествовал по Пелопоннесу (17 дней), по островам (13 дней), посетил Афины (25 дней), а также Трою и Константинополь [там же, л. 3].

Важность изучения древностей Боспора Киммерийского, конечно, осознавалась всеми специалистами, но их значимость уже никому из них не представлялась первостепенной. Раскопки Ольвии и Херсонеса в Археологической комиссии тогда уже представлялись явно более отвечающими задачам современной науки. Такая ситуация нашла отражение даже в нумерации дел Архива ИАК: первое место в нём каждый год традиционно занимали документы, связанные с раскопками в Керчи; однако, начиная с 1905 г., они, как правило, имеют № 4; №№ 2 и 3 – отчёты о работах в Ольвии и Херсонесе.

Выше уже говорилось, что разграбление боспорских некрополей и торговля древностями в Керчи в начале XX в. стали серьёзной проблемой. Видной фигурой среди торговцев древностями в это время был И.А. Терлецкий, служивший старшим врачом Керченского отдела корпуса пограничной стражи [о нём см.: Боровкова, 1999, с. 39-40, 83-94]. Его деятельность наносила огромный вред изучению памятников археологии, и В.В. Шкорпил неоднократно докладывал об этом в Петербург, к примеру, в письме от 2 марта 1906 г. [1906 г., д. 4, л. 80]. Руководство ИАК, оценив сложившуюся ситуацию, направило официальное послание начальнику И.А. Терлецкого – В.Н. Коковцеву, в котором говорилось [1906 г. д. 4, л. 81]:

«Ныне ... служба заведующего Керченским музеем древностей значительно парализуется деятельностью г. Терлецкого, который, перекупая древние вещи, способствует развитию тайных, хищнических раскопок и убеждает всех, у кого имеются древности, не продавать их Комиссии. Не говоря о том, что при хищнических раскопках масса древностей портится и масса ценных наблюдений, которые могли бы быть сделаны, для науки пропадают безвозвратно – надо указать, что наиболее важные и ценные находки ежегодно *уходят* при посредстве г. Терлецкого в заграничные музеи».

В связи с этим В.Н. Коковцеву предлагалось перевести И.А. Терлецкого «из города Керчь на службу в какой-либо другой город, возможно более удалённый от г. Керчи и не находящийся на побережье Чёрного и Азовского морей, на всём своём протяжении крайне важном в археологическом отношении» [там же, л. 82]. Это послание возымело действие, и И.А. Терлецкому, как представляется, было предложено уладить конфликт с Императорской комиссией. Во всяком случае, 9 ноября 1906 г. он присутствовал на заседании

ИАК и обещал прекратить «дальнейшее приобретение древних предметов в г. Керчи» [там же, л. 84]. Поверив этим заверениям, Археологическая комиссия просила В.Н. Коковцева оставить направленный ему документ без последствий. Однако доктор И.А. Терлецкий не сдержал своего обещания, и в 1914 г. В.В. Шкорпил информировал ИАК, что он захватил в свои руки всю торговлю боспорскими древностями [1914 г., д. 4, л. 130]. Правда, когда началась Первая мировая война, он был направлен в действующую армию [там же, л. 91].

Обращая внимание руководства ИАК на развитие торговли боспорскими древностями, директор Керченского музея писал в марте 1906 г.: «Пора бы издать закон о воспрещении вывоза древностей из пределов России, по примеру Греции и Болгарии» [1906 г., д. 4, л. 80]. Издание таких законов, естественно, было вне компетенции Императорской археологической комиссии, тем не менее, она принимала все зависящие от неё меры к сохранению древних памятников, пресечению их вывоза за границу. В связи с этим можно привести один показательный пример. В марте 1914 г. стало известно, что К.В. Робертс, начальник станции Индо-Европейской телеграфной компании в Керчи, планирует отправить в Британский музей два надгробия, найденные в 1913 г. на территории этой станции, в том числе стихотворную эпитафию Стратоника, сына Зенона [КБН, 145; вторая надпись – КБН, 652]. А.А. Бобринский по этому поводу немедленно обратился в Министерство иностранных дел с просьбой воспрепятствовать вывозу и повлиять на К.В. Робертса, чтобы тот передал находки в Керченский музей или, по крайней мере, оставил их в Керчи в ведении компании [1914 г., д. 4, л. 45]. Соответствующий департамент МИДа в апреле поручил российскому посольству в Лондоне обратиться к правительству Великобритании с ходатайством о принятии мер к недопущению ввоза этих эпитафических памятников в Англию [там же, л. 47]. Необходимые меры были приняты, и в мае 1914 г. К.В. Робертс передал оба надгробия в музей [там же, л. 44]. Проблема, как видим, была решена, при этом, надо признать, очень быстро – всего за три месяца.

Весьма примечательным представляется и то, что в 1914 г. был решён вопрос о приобретении в собственность ИАК участка мещанина Тимофея Лопатина, находящегося на горе Митридат [1914 г., д. 4, л. 132, 137, 145]. Этот участок был важен тем, что здесь находилась двойная расписная катакомба, открытая в 1873 г. [см.: ОАК, 1873, с. X; 1874, с. 112 сл.; Ростовцев, 1914а, с. 227-243; Иванова, 1953, с. 155-156; Ернштедт, 1955, с. 265-266]. Такой замечательный памятник, конечно, необходимо было уберечь от всякого рода случайностей.

Первая русская революция (1905–1907 гг.), наложившая свою печать на всю жизнь страны, сказалась и на археологических исследованиях. Императорская комиссия, разумеется, не принимала никаких постановлений по этому пово-

ду, но практическое проведение работ в Керчи в это время явно осложнилось. В феврале 1906 г. В.В. Шкорпил информировал ИАК, что, «пользуясь теперешним тревожным временем», жители Керчи стали строить свои хижины позади Эспланадной улицы, и власти против этого ничего не предпринимают. Чтобы спасти имевшиеся там памятники древности от полного разрушения, эту часть горы Митридат необходимо было подвергнуть «последнему тщательному расследованию» [1906, г., д. 4, л. 6]. В ноябре 1907 г. в рапорте на имя А.А. Бобринского директор музея писал о необходимости скорейшего исследования некрополя на южном склоне горы Митридат, поскольку «охрана его при большом расстоянии от города является крайне затруднительной и весьма опасной, особенно в теперешнее тревожное время» (выделено мною – Ю.В.) [1907 г., д. 6, л. 141].

В 1909 г. Императорская археологическая комиссия отметила своё 50-летие, что было торжественно отмечено, многие археологи получили награды и подарки. В 1913 г. по случаю празднования 300-летия Дома Романовых все сотрудники Керченского музея древностей были пожалованы специальными бронзовыми медалями. В их числе: В. Шкорпил – директор, В. Прыгунов – писарь, А. Основский – сторож музея, Ф. Зяблов – первый надсмотрщик, И. Анищенко – второй надсмотрщик, В. Мазка – дневной сторож на горе Митридат, П. Воловенко – ночной сторож на горе Митридат, С. Кузнецов – сторож при склепе Деметры [1913 г., д. 4, л. 53].

Несмотря на расширение штата ИАК, о чём было сказано выше, специалистов для проведения масштабных работ на Боспоре по-прежнему явно не хватало. Желая улучшить ситуацию, В.В. Шкорпил пытался найти преданных делу людей, так сказать, на месте, в связи с чем писал в ИАК 28 января 1914 г. [1914 г., д. 4, л. 192]:

«Уроженец и житель Таманской станицы, отставной подьесаул Василий Васильевич Соколов, оказавший мне в течение последних трёх лет деятельное содействие в производстве таманских раскопок и изучивший под моим руководством техническую сторону археологических исследований, обратился в конце прошлого года ко мне с заявлением и просьбой следующего содержания:

“Каждый год, с прекращением археологических раскопок в окрестностях Тамани, с осени и до весны следующего года, так называемые «счастливыцы» разграбляют окружающие Тамань древние курганы и кладбища, а найденные <вещи> перепродают, довольно часто за границу. Станичная администрация, как Вам известно, не проявляет особенной энергии в борьбе с кладоискателями, и кадры их с каждым годом увеличиваются. В виду этого я просил бы Вас исходатайствовать мне у Императорской Археологической Комиссии разрешение на право

раскопок в окрестностях Тамани, с условием, что я буду вести подробные записи находок, а также измерения и описания найденных гробниц. Кроме того, все найденные вещи будут представляться Вам, и только ... не взятые Вами для Императорской Археологической Комиссии поступят частью в мою коллекцию, а частью в Екатеринодарский музей”.

Соколов намерен производить раскопки на свой счёт.

Заявляя, что Соколов мне известен около 20-ти лет как человек в высшей степени честный и порядочный, я просил бы Императорскую Археологическую Комиссию разрешить ему производство раскопок на Таманском полуострове в то время, когда зимою пролив будет покрываться льдом или когда я буду занят в другом месте и мне невозможно будет ездить в Тамань, но с тем неперменным условием, чтобы он, во-первых, каждый раз или по телеграфу, или письмом извещал меня о местах и начале раскопок и, во-вторых, чтобы он производил раскопки не на свои средства, но в счёт сумм, которые мне будут отпускаться на археологические расследования, при чём я беру всю ответственность на себя. Все находимые вещи должны быть представляемы в Императорскую археологическую комиссию, которая, по своему усмотрению, будет выделять часть этих древностей и препровождать их в Екатеринодарский музей».

В.В. Соколов действительно стал деятельным помощником директора Керченского музея древностей на Таманском полуострове, порой являясь его представителем в самых непростых ситуациях, к примеру, во время обнаружения мраморного таманского саркофага в 1916 г. (см. главу 5.4). Ситуация, однако, настоятельно требовала большего числа специалистов в области античной археологии.

В начале мая 1914 г. планировалась поездка в Керчь императора Николая II, который как будто намеревался посетить Керченскую крепость, но в связи с этим вполне мог осмотреть и некоторые археологические достопримечательности города. Информация об этом поступила в ИАК в марте от В.В. Шкорпила, который, в свою очередь, узнал о намерении императора от возвратившегося из Петербурга керченского градоначальника. В связи с возможностью приезда Николая II археолог просил ИАК выделить ему финансовые средства, необходимые для ремонта здания, которое Керченская городская дума выделила для устройства эпиграфического отделения Музея древностей. Такой возможностью получить дополнительное финансирование директор музея, разумеется, не мог не воспользоваться, при этом он торопил петербургское руководство с высылкой денег, поскольку ремонт необходимо было завершить к началу мая [1914 г., д. 4, л. 31-32]. Информация о планировавшейся поездке подтвердилась, и А.А. Бобринский обратился к В.Н. Воейкову с просьбой

о своём присутствии в Керчи во время поездки августейшей особы, в связи с чем «возможно было бы произвести в Высочайшем присутствии раскопку нескольких могил, которых здесь большое количество, и, хотя за удачный исход раскопки поручиться, конечно, невозможно, всё же самая процедура вскрытия гробниц, несомненно, заинтересовала бы Его Величество и отняла лишь весьма непродолжительное время» [1914 г., д. 4, л. 36]. Не удивительно, что деньги (446 руб.) на ремонт здания для эпитафических находок В.В. Шкорпилу были выделены [там же, л. 78].

Однако поездка Николая II в Керчь в мае 1914 г. не состоялась, возможно, она была отложена по причине других, более важных, государственных дел. Позднее она уже вряд ли была возможна – в начале лета международная обстановка сильно накалилась, а 19 июля 1914 г., как известно, началась Первая мировая война. Археологические проблемы в связи с этими событиями стали казаться совсем ничтожными, финансирование полевых работ, естественно, сильно сократилось, и раскопки стали производиться в скромных масштабах. Директор Керченского музея писал по этому поводу: «В Керчи в 1915 году не проводилось обычных исследований сплошных некрополей» [1914 г., д. 4, л. 186]. Не стоит думать, однако, что раскопок не было вовсе. Нет, они пусть в небольших масштабах проводились, к примеру, на Малой Близнице или на Лысой горе под Таманью (см. ниже), и дали весьма ценные материалы.

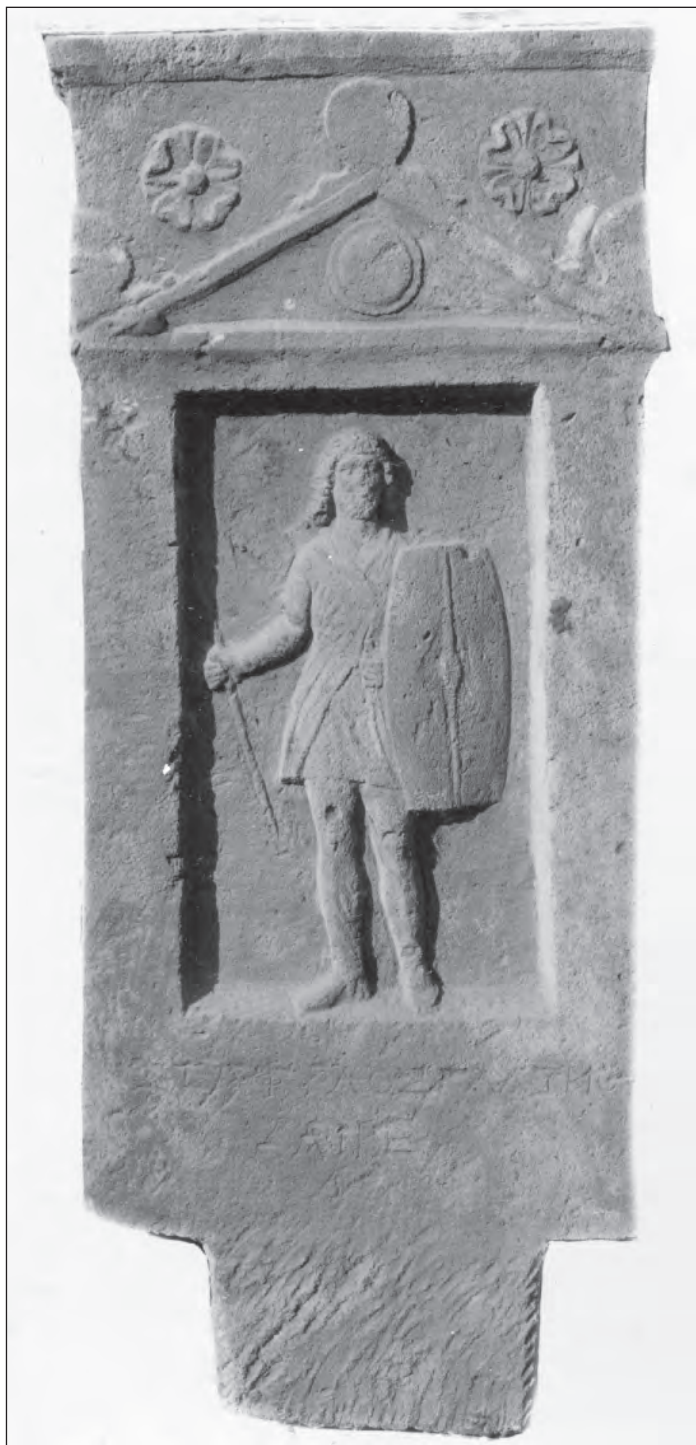

Рис. 91. Надгробие с изображением воина [1908 г., д. 13, л. 13а].

Рис. 92. Надгробие с изображением воина [1908 г., д. 13, л. 46].

5.3. Раскопки В.В. Шкорпила в Керчи. Грунтовые некрополи

Некрополь Пантикапея

Новый заведующий Керченским музеем смог приступить к раскопкам лишь во второй половине 1901 г., к тому, кроме общей неопределённости ситуации, привели и некоторые проблемы с финансированием. В Археологической комиссии не были уверены в том, что В.В. Шкорпил вообще сумеет провести полевые исследования в этом году, но на заседании 1 мая 1901 г. всё-таки решили, что 2000 руб. надо «иметь в виду на случай раскопок в Керчи» [1900 г., д. 277, л. 33, № 7]. В Петербурге очень опасались, что территория бывшей крепостной эспланады, отошедшая к городу Керчи, начнёт застраиваться частными лицами, а это неизбежно серьёзно затруднит проведение здесь археологических исследований [ОАК, 1901, с. 51]. Раскопки в этом году всё-таки были проведены и, в общем, в достаточно традиционном для Боспора русле, когда археологи в основном шли вслед за «счастливчиками» [1901 г., д. 12, л. 114 сл.; Шкорпил, 1903, с. 74 сл.].

Талант В.В. Шкорпила, как специалиста, способного проводить масштабные полевые исследования, в полной мере раскрылся в 1902 г., когда в различных частях Керчи и её окрестностей было раскопано огромное количество погребальных комплексов [см.: ОАК, 1902, с. 47 сл.; Шкорпил, 1904]. Прежде всего, любопытнейший некрополь V–III вв. до н.э. был открыт под так называемым Вторым креслом Митридата на южном склоне горы, где было изучено 178 гробниц, при этом все они достаточно подробно описаны [1902 г., д. 32, л. 362-386]. Примечательным открытием этого года стала гробница с костяком, окрашенным красной краской [там же, л. 366; Шкорпил, 1904, с. 80, № 35], в её насыпи «над правой рукой скелета» находилось надгробие Тихонатавра [там же, л. 24 об. – 25], которое по характеру письма датируется V в. до н.э. [КБН, 114]. Этот памятник, безусловно, имеет важное значение для изучения этнического состава Пантикапея [см.: Цветаева, 1951, с. 67; Блаватский, 1964, с. 50-51; Масленников, 1981, с. 30; Щеглов, 1981, с. 211].

Столь же неплохо документированы 337 гробниц, исследованных на Глинище [там же, л. 387-439]. Весьма любопытное открытие было сделано в могиле, в которой находились два разновременных ограбленных погребения; с более ранним связывается набор гипсовых украшений саркофага, состоящий из 14 фигурок Ниобид [там же, л. 146, 431; см.: ОАК, 1902, с. 50-51; Шкорпил, 1904, с. 163-164]. Раскопки этого года на Глинище позволили сделать принципиально важное заключение: «Судя по находкам, сделанным здесь, почти всё Глинище представляет громадный некрополь главным образом первых веков христианской эры. Более древние памятники попадались здесь чрезвычайно редко» [ОАК, 1902, с. 47].

Среди открытий 1902 года следует выделить также склеп, исследованный

на первой версте Брянской ветки Керченской железной дороги. Он оказался ограбленным, но на стенках сохранились остатки росписи, особенно выразительно изображение медузы Горгоны на оштукатуренной плите, закрывающей вход в камеру. Внутри склепа в разное время были поставлены четыре каменных саркофага. Два относительно ранних саркофага имели роспись в виде побегов виноградной лозы. Среди находок, происходящих из этого склепа, представлена бронзовая монета царя Котиса II [1902 г., д. 32, л. 111-113, 421-422; о склепе см.: Шкорпил, 1904, табл. X-XI; Ростовцев, 1914а, с. 272-276; Ернштедт, 1955, с. 275-276].

Тогда же около Шлагбаумской улицы была обнаружена ограбленная катакомба, в которой находился искусственно деформированный человеческий череп. В смежной катакомбе В.В. Шкорпил обнаружил надпись на стене, нанесённую красной краской: это было число 582. Исследователь увидел здесь дату, т.е. 285 г. н.э., и заключил, что «обычай искусственного изменения формы головы существовал на Боспоре в третьем столетии по Р.Хр.» [1902 г., д. 32, л. 18, 386]⁴.

В том же году заведующему Керченским музеем пришлось позаботиться об изучении территории, прилегающей к Керченскому порту. Дело в том, что в это время развернулись крупные работы по его расширению, углублению акватории и т.д. Предполагалось срыть крутой берег, возвести новые постройки и произвести мощение территории. За работами было организовано археологическое наблюдение, что дало возможность исследовать здесь ещё несколько погребений [1902 г., д. 32, л. 139; см.: ОАК, 1902, с. 47]. В дальнейшем, когда Керченская городская управа начала перестройку части Карантинного шоссе, прилегающего к порту, археологические исследования были перенесены и туда [1903 г., д. 19, л. 73].

В 1903 г. В.В. Шкорпил исследовал почти четыре сотни погребений [1903 г., д. 19, л. 391; см.: ОАК, 1903, с. 43 сл.], при этом раскопки проводились приблизительно в тех же самых районах Керчи, что и ранее. Среди открытых тогда погребений имеются весьма любопытные, в том числе обнаруженная на горе Митридат гробница «убитого в сражении воина» [1903 г., д. 19, л. 152, 345, № 108]. В грунтовой яме, перекрытой досками, лежал прекрасно сохранившийся костяк головой на восток. В его ногах находилась амфора, в левой руке – коринфский расписной сосудик. Рядом с ним лежал ещё один сосуд, расписанный красной краской. В лобовой части черепа имелась пробоина, что и позволило исследователю сделать заключение, что здесь был погребён убитый воин. Судя по описанию находок, этот комплекс принадлежит времени поздней архаики и, в общем, входит в круг памятников, которые характеризуют сложную военно-политическую обстановку, сложившуюся

⁴ Обычай искусственной деформации черепов, как показывают современные исследования, получил массовое распространение в сарматском мире в конце II – III вв. н.э. [Балабанова, 2001, с. 108; ср.: Масленников, 1990, с. 39-40; Пономарёв, 2003].

на Боспоре в начале V в. до н.э. [см.: Виноградов, 2005, с. 238-245, 258-262; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 46 сл.].

Подобные открытия имели место и позднее. В 1907 г. В.В. Шкорпил обнаружил могилу, опять же перекрытую досками, в которой костяк лежал головой на северо-восток, левая его рука оказалась отрубленной по локоть. Возле левого колена находился пучок бронзовых наконечников стрел; около левого бока лежал короткий меч (длина – 0,53 м), рукоять которого на конце была украшена «двумя неподвижными кольцами»; под мечом находился обломанный каменный точильный брусок с отверстием для подвешивания [1907 г., д. 6, л. 36, 340, № 17]. Датировать этот комплекс очень трудно, но, судя по описанию меча, он, вероятнее всего, имел так называемое антенное навершие, что позволяет отнести его к V в. до н.э. [ср.: Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 42, рис. 15, 5, 6; 58, рис. 24, 1]

Некрополь под Вторым креслом Митридата, к которому относятся два описанных выше воинских захоронения, раскапывался в 1902, 1903, 1905 и 1907 гг. Подводя итог своим исследованиям здесь, В.В. Шкорпил писал [1907 г., д. 6, л. 334]:

«Так как в расследованной части южного склона Митридатовой горы ни разу не встречались гробницы с “мегарскими” чашками или краснолаковой посудой (*terra sigillata*) или со стеклом и фибулами, то, кажется, правилен будет вывод, что на рассматриваемом месте с V по III век до Р.Хр. существовало пантикапейское кладбище, но что приблизительно во II веке до Р.Хр. здесь была построена новая часть Пантикапея».

В июне 1904 г. «счастливыми» были открыты и разграблены два склепа на *Гоститальной улице* с прекрасными находками в «готском» стиле [1904 г., д. 6, л. 44, 54, 102-103]. Все вещи оказались у торговца древностями И.А. Терлецкого, и В.В. Шкорпил начал свою по-настоящему героическую борьбу за спасение этих памятников для науки. В ходе этой борьбы ему пришлось столкнуться не только с ненавистью кладоискателей и торговцев древностями, но и с продажностью керченской полиции. На сей раз старания В.В. Шкорпила оказались не напрасными: И.А. Терлецкому были возвращены те деньги, которые он заплатил «счастливым», а наука обогатилась прекрасным комплексом времени поздней античности⁵. Один из раздосадованных грабителей обещал расправиться с В.В. Шкорпиллом, в связи с чем тот в декабре 1904 г. обратился к керчьеникальскому градоначальнику с просьбой положить конец этим угрозам, и, надо признать, необходимые меры были приняты – выделена охрана, на местах

⁵ Станным образом из-за денег, выданных И.А. Терлецкому, в марте 1918 г. В.В. Шкорпилу был предъявлен иск со стороны Керченского революционного трибунала [1904 г., д. 6, л. 133]. Благодаря активному участию Археологической комиссии обвинения с него были сняты [Борова, 1999, с. 143].

раскопок установлены временные полицейские посты и т.д. [Боровкова, 1999, с. 87, 141].

Вся эта история, конечно, буквально взбудоражила Керчь, многими жителями, как писал В.В. Шкорпил, «овладело страстное желание найти подобные катакомбы»⁶. Поскольку бороться с «лихорадочной деятельностью кладоискателей» было невозможно, то он решил полностью сосредоточиться на исследовании Госпитальной улицы и прилегающей к ней местности [1904 г., д. 6, л. 116; см.: ОАК, 1904, с. 78-83; Шкорпил, 1907, с. 32 сл.; 1911, с. 79 сл.; 1913а, с. 16 сл.; 1913б, с. 56; 1914в, с. 11]. И это решение, конечно, было абсолютно верным. В 1904 г. исследователь установил, что полоса катакомб, которые он датировал III–IV вв. н.э., тянется от Госпитальной улицы вплоть до вала, спускающегося с Золотого кургана к полотну железной дороги [1904 г., д. 6а, л. 1-2]. Работы здесь были продолжены в 1905 г. [1905 г., д. 4, л. 19, 121 сл.] и в последующие годы [Шкорпил, 1910, с. 31 сл.]. Датировка катакомб, предложенная В.В. Шкорпилом, вскоре была исправлена на IV–V вв. н.э. [Спицын, 1905, с. 115]. В результате всех этих исследований археологическая наука обогатилась комплексами Госпитальной улицы, имеющими принципиальное значение для изучения культуры Боспора в период поздней античности [см.: Засецкая, 1979; 1990].

В 1908 г. на горе Митридат, совсем недалеко от того места, где в 1891 г. проводил раскопки А.А. Бобринский, был найден замечательный расписной склеп [см.: ОАК, 1908, с. 109, 110; Шкорпил, 1911, с. 65; Ростовцев, 1914а, с. 70-82; Ернштедт, 1955, с. 250; Блаватский, 1964, с. 75-77]. Погребальная камера была украшена горизонтальными декоративными полосами, окрашенными в различные цвета. На верхнем выступе, по форме напоминающем карниз, были изображены различные предметы (алабастры, аски, гирлянды и пр.), как бы висящие на гвоздях. В.В. Шкорпил по этому поводу заметил: «Вся суть и изящество декоративной живописи склепа заключается в этой верхней полосе» [1908 г., д. 13, л. 32, 308]. В высшей степени ценно, что данный погребальный комплекс сохранился в неповрежденном состоянии, в нём находилось пять костяков с весьма показательным инвентарём (краснофигурные пелики, чернолаковый килик, арибаллические лекифы, украшенные пальметками, сетчатые арибаллические лекифы и т.д.). Исследователь обоснованно признал этот склеп семейным и считал, что он использовался во второй половине IV – первой половине III вв. до н.э. [там же, л. 310, но ср.: л. 34, 303]. Описание вещевых находок, однако, позволяет предполагать, что он вряд ли заходил в III в., поскольку основное количество

⁶ В 1905 г. к В.В. Шкорпилу обратилась керченская мешанка У. Шаманская, предлагая ему провести раскопки на её участке. Причиной такого поступка стало то, что бедная женщина не имела покоя ни днём, ни ночью, поскольку под землёй постоянно слышался стук лопат и кирок кладоискателей, пробивавшихся к Госпитальной улице [1905 г., д. 4, л. 63]. Раскопки на участке У. Шаманской были проведены и дали свой результат [там же, л. 125].

находок явно принадлежит IV в. до н.э. Вполне возможно, что склеп был построен во второй половине этого столетия [Ернштедт, 1955, с. 250].

В конце 1910 г. на северном склоне Митридата (против Первой Подгорной улицы) было обнаружено весьма любопытное погребение, содержавшее человеческий костяк, во внутренней стенке позвонка которого застрял наконечник стрелы. Положение этого наконечника навело на мысль, что погибший от стрелы пантикапеец был убит врагом, стоявшим под горою или под оборонительными стенами Пантикапея [1910 г., д. 4, л. 165]. К сожалению, погребение было безинвентарным и датировать его невозможно.

В 1911 г. во время раскопок на северном склоне Митридата (Третий Кладбищенский переулочек) была открыта целая серия любопытных погребальных комплексов, в общей сложности 24 гробницы [Шкорпил, 1914в, с. 3 сл.]. Благодаря находкам аттической чернофигурной керамики В.В. Шкорпил полагал, что этот некрополь является весьма ранним, представляя собой «одно из первых мест погребения древних пантикапейцев, основавших новый город» [1911 г., д. 7, л. 185]. Раскопки 1912 г., когда здесь было обнаружено ещё 43 погребения, в полной мере подтвердили этот вывод, В.В. Шкорпил даже сделал вывод, что они в основном относятся к VI в. до н.э. [1912 г., д. 4, л. 187]. Среди исследованных гробниц особый интерес привлекает одна кремация (гробница № 15). На месте сожжения было вырыто четырёхугольное углубление (1,65 × 0,67 м, глубина – 0,56 м), в котором была помещена урна с человеческим прахом. В качестве урны использована псевдопанафинейская амфора с изображением флейтиста, играющего на двойной флейте в окружении судей, опирающихся на посохи [1911 г., д. 7, л. 46-47, 193-194; см.: ОАК, 1911, с. 25-26; Шкорпил, 1914в, с. 7-8; Радлов, 1912, с. 76 сл.]. О находке этой замечательной вазы в ИАК было сообщено специальной телеграммой [1911 г., д. 7, л. 48], но наше внимание должна привлекать не только она, но и другие сделанные здесь находки. Исследователь сообщал, что вместе с сосудом находились три железных наконечника копий, обтянутые внизу бронзовыми кольцами. Два из них имели длину 0,30 м, а третий, практически полностью разрушенный ржавчиной, был в два раза больше их, т.е. он имел длину около 0,60 м. Столь длинный наконечник – большая редкость в Древней Греции, и, в принципе, его можно сопоставить только с наконечником македонской сариссы⁷.

Несмотря на то, что большая часть могильника была вскрыта в 1911 г., В.В. Шкорпил продолжил на нём исследования в 1913 г. Сделанные находки позволили ему вновь подтвердить, что «здесь был один из древнейших панти-

⁷ Хорошо известно, что во время раскопок некрополя в Вергине (древняя Македония) был найден наконечник сариссы, достигающий в длину 0,51 м, а обычный наконечник копья, обнаруженный там же, имеет длину всего 0,27 м [Markle, 1977, p. 323 ff.; Конноли, 2000, с. 77-79]. Керченская находка, однако, явно относится к более раннему времени.

капейских некрополей, относящийся к концу VI в. до Р.Хр.» [1914 г., д. 4, л. 169; см.: Блаватский, 1951, с. 15-16, 18].

В 1914 г. были продолжены раскопки так называемого «пепелища», расположенного между Вторым креслом Митридата и Круглой скалой. По наблюдениям исследователя, там под глубокой насыпью и в самой насыпи встречались гробницы, относящиеся к различным эпохам, начиная «с VI в. до Р.Хр. и кончая временем, когда в Пантикапее были в ходу изделия готского стиля» [1914 г., д. 4, л. 173]. Описаний этих погребений в отчёте не содержится, даётся простое перечисление сделанных находок по категориям: керамика, стекло, золото, серебро, железо, гипс и т.д. Нечто подобное уже наблюдалось в практике составления археологических отчётов того времени, когда во главе Императорской комиссии стоял А.А. Васильчиков (см. главу 3.5). Трудно сказать, чем следует объяснять возвращение к этой порочной практике, но любопытно, что среди имеющихся документов Архива ИАК нет таких, которые бы требовали покончить с ней. Одновременно с работами на «пепелище» производились раскопки по трассе Карантинного шоссе. Это объясняется тем, что полосу шоссе было решено сузить, в результате этих работ по обочинам новой трассы были открыты гробницы I–II вв. н.э. [там же, л. 174].

Можно признать, что методика раскопок Пантикапейского некрополя, правила фиксации открытых объектов и пр. в 1859–1914 гг. имели свои недостатки. Тем не менее, благодаря целенаправленной политике Археологической комиссии и упорству керченских археологов древние могильники Пантикапея были изучены столь полно и подробно, как ни один из некрополей других античных городов Северного Причерноморья [Ростовцев, 1925, с. 179]. В ряду исследователей Пантикапейского некрополя следует выделить В.В. Шкорпила, который не только открыл целую серию чрезвычайно важных погребальных памятников, но и немало сделал для изучения топографии могильника [Цветева, 1951, с. 63].

Некрополь Мирмекия

В марте 1904 г. В.В. Шкорпил информировал Археологическую комиссию [1904 г., д. 6, л. 23]:

«Между Керченским металлургическим заводом и Новым карантинном приблизительно десять лет тому назад открыто кладоискателями древнее кладбище гор. Мирмекия с чернолаковой посудой и финикийским стеклом. Почти все разноцветные сосудики, появившиеся тогда в большом количестве у керченских торговцев древностями, были найдены за Новым карантинном. Так как в последнее время случаи разграбления этого некрополя стали повторяться, то я, за трудностью преследования грабителей на таком расстоянии от Керчи, решил раскопать это кладбище и спасти то, что ещё уцелело от рук грабителей».

На самом деле археологические исследования на территории между Новым карантинном и металлургическим заводом были начаты годом раньше. В.В. Шкорпил надеялся с помощью этих работ «внести какую-нибудь новую черту в историю давно погибшего города» [1903 г., д. 19, л. 324]. Результатом своих раскопок на этом объекте исследователь остался недоволен, «новых черт» истории Мирмекия ему выявить не удалось. Тем не менее, на некрополе было раскопано 46 могил, в двух из которых находились погребения с копьями [там же, л. 385 сл., №№ 369 и 370; см.: ОАК, 1903, с. 52 сл.; Шкорпил, 1905, с. 70 сл.].

В 1906 г. самое большое внимание было уделено территории, лежащей между Карантинной слободкой и Новым карантинном [ОАК, 1906, с. 83-84; Шкорпил, 1909б, с. 52-53, 78-79]. После этих исследований В.В. Шкорпил заключил, что западная часть Мирмекия никогда не доходила до этого «пустопорожнего места, отделяющего слободку от карантина», здесь располагался сплошной некрополь. За один сезон на обозначенной территории были раскопаны 73 гробницы. Свои наблюдения археолог выразил следующим образом [1906 г., д. 4, л. 163]:

«Более древняя часть некрополя тянется над берегом, вправо от Карантинного шоссе, некрополь же римского времени простирается на месте, перерезанном этим шоссе, и влево от него. В гробницах первого некрополя, устроенных, по большей части, в скале, встречаются по преимуществу низкие лекифы с красными пальметками или с тёмными сетками, усыпанными множеством белых точек; встречались также сосуды, покрытые густым, ярко блестящим лаком, пелики позднего прекрасного стиля, пелики местного производства, известные под неверным названием “акварельных” ваз, и “мегарские” чашки. Сосудики из “финикийского” стекла не встречались вовсе, между тем как в той части некрополя возле Нового карантина, который я раскапывал в 1903 г., попадались весьма изящные алабастры и ойнохои этого рода».

Ранний некрополь В.В. Шкорпил датировал IV–II вв. до н.э., а поздний отнес к римскому времени. В отношении последнего своим лучшим достижением он признавал открытие здесь трёх подземных склепов, весьма похожих на катакомбы горы Митридат и крымских берегов Азовского моря [там же, л. 164].

Некрополь в Капканах

Весной 1909 г. керченские кладоискатели, неустанно преследуемые В.В. Шкорпиллом, перешли от ближайших окрестностей Керчи за металлургический завод, на территорию, лежащую слева от дороги на Еникале, приблизительно в 10 верстах от города. Следует отметить, что поблизости от того места в деревне Капканы в 1891 г. проводил исследования А.А. Бобринский (см. главу 4.9). Директор Керченского музея информировал ИАК, что здесь кладоискатели «стали раскапывать древний некрополь со стеклом и краснолаковой

посудой I в. по Р.Хр.» [1909 г., д. 10, л. 104]. Археолог обратил внимание на важность исследования данного могильника и провёл здесь раскопки. В общей сложности им были исследованы 23 гробницы, судя по монетным находкам, относящиеся к I–II вв. н.э. [Шкорпил, 1913а, с. 3, 31].

Некрополь между Аджимушкаем и Темир-горой

В мае 1914 г. В.В. Шкорпил обратился в ИАК с просьбой выделить ему средства (2-3 тыс. руб.) на раскопки «огромного некрополя, расположенного между Аджимушкаем и Темир-горой». На этом некрополе им уже были проведены разведочные работы в апреле этого года, в результате чего были обнаружены краснолаковые сосуды и «весьма интересное стекло» [1914 г., д. 4, л. 51]. Деньги были получены, и летом 1914 г. археолог сосредоточил основное внимание на этом могильнике, занимавшем, по его наблюдениям, почти всю равнину между деревней Аджимушкой и Темир-горой [1914 г., д. 4, л. 173-174]. По сделанным находкам исследователь заключил, что некрополь относится к I–III вв. н.э. Ещё раз с сожалением приходится признать, что качество археологических отчётов в 1914 г. очень упало, и об открытых тогда погребальных комплексах мы не знаем ничего, кроме простого перечисления сделанных в них находок. Судя по всему, эти комплексы, как и многие другие, раскопанные в это время, следует считать потерянными для науки.

Некрополи азиатского Боспора

В это время на азиатской стороне Боспора Императорская археологическая комиссия поначалу почти не проводила раскопки грунтовых некрополей, хотя грабёж древних могильников здесь достиг очень крупных масштабов. В.В. Шкорпил в мае 1907 г. писал в Петербург: «В окрестностях Тамани, между Лысой горой и морем, в особенности же возле Южного кордона, построенного на Тузлинском мысу, происходит археологический грабёж, достигший ужасающих размеров» [1907 г., д. 6, л. 68]. При осмотре Тузлы директор Керченского музея повсюду обнаруживал ямы, в которых виднелись остатки разорённых гробниц. Местные пастухи рассказали ему, что грабители находили здесь разнообразную глиняную посуду и даже золото, при этом расписная керамика с изображениями животных была куплена вездесущим Терлецким. У торговцев древностями В.В. Шкорпил видел происходящие отсюда коринфские сосудики, аттическую чернофигурную посуду, «финикийское» стекло. В связи с таким положением он сокрушался, что «решительно вся Тамань знает об этих раскопках», но «никто из лиц, ведающих это дело, не принимал и не принимает никаких мер, чтобы остановить это варварское хищение» [там же, л. 68]. Более того, по Тамани распространился слух, что в газете «Кубанские ведомости» было напечатано распоряжение, по которому ввиду неурожая, постигшего этот край, «разрешено выкапывать древности всякому, кто захочет заняться этим делом» [там же, л. 68]. В.В. Шкорпил настаивал, чтобы местные власти приняли срочные меры к прекращению грабежей и разъяснили всю нелепость распространявшихся

слухов, однако самым действенным способом спасения Тузлинского некрополя он считал проведение на нём нормальных археологических раскопок.

Исследования здесь были предприняты лишь в 1911 г. Собственно, тогда были проведены раскопки на двух древних некрополях: на мысе Тузла и на берегу пролива около хутора Кротенко (между Тузлой и Панагией). На Тузле за один год было раскопано 137 погребений [1911 г., д. 7, л. 280 сл.; см.: ОАК, 1911, с. 37; Шкорпил, 1914в, с. 21 сл.; Сорокина, 1957], многие из которых относятся к позднеархаическому времени, но здесь имеются и погребения IV в. до н.э., и эллинистические, и римские. Около хутора Алексея Кротенко было исследовано ещё 42 погребальных комплекса, наиболее показательные из которых относятся опять же ко времени поздней архаики [1911 г., д. 7, л. 258 сл.; Шкорпил, 1914в, с. 71 сл.]. В обоих некрополях было обнаружено немало погребений с оружием, что ярко характеризует своеобразие культуры Боспора в конце VI – первой половине V вв. до н.э. В.В. Шкорпил полагал, что эти памятники следует связывать с греческой колонией, существовавшей на месте Тамани [1911 г., д. 7, л. 187-188], т.е. с Гермонассой.

О некоторых обстоятельствах своих раскопок директор Керченского музея писал в ИАК: «По перенесении моих разысканий в 1911 г. от мыса Тузла к хутору Кротенко, на самом близком расстоянии от Тузлянской грязелечебницы, где почти ежедневно бывали таманский атаман (Самойленко) и пристав (Толстопят), среди белого дня закипела такая деятельная работа таманских кладочискателей, что мне в скором времени пришлось вернуться обратно к Тузле» [1913 г., д. 4, л. 257]. О широком распространении грабительских раскопок на Таманском полуострове, ставших настоящим археологическим бедствием, дополнительно будет сказано далее.

В самой станице Тамань раскопки были проведены в 1912 г. Они были вызваны тем, что там началось разграбление древнего некрополя, обнаруженного местными жителями в результате выборки глины около Свято-Покровской церкви. Здесь было исследовано всего пять гробниц, относящихся к IV и III вв. до н.э. [1912 г., д. 4, л. 188, 218-220; см.: ОАК, 1912, с. 50].

Некрополь Танаиса

Н.И. Веселовский провёл раскопки около хутора Недвиговка в 1908-1909 гг. [ОАК, 1908, с. 122-129; ОАК, 1909-10, с. 139-141; Книпович, 1949, с. 20-21; Шелов, 1961, с. 6-7; 1970, с. 9]. Эти раскопки были вызваны тем, что один из местных казаков случайно обнаружил здесь очень богатую могилу [ОАК, 1908, с. 122]. Н.И. Веселовский был менее удачлив, поскольку многие из открытых им погребений оказались ограбленными. Тем не менее, за два года работ он вскрыл огромную площадь некрополя – приблизительно 66 × 32 м; в первый год было обнаружено 47 могил, во второй – 34. В основном это были могилы, вырубленные в скале и иногда обложенные по бокам каменными плитами. Н.И. Веселовский открыл также вырубленные в скале «корытообразные ямы»,

в которых, по его наблюдениям, совершались трупосождения. На небольшом расстоянии от них находились урны с пеплом [ОАК, 1908, с. 122]. Одно детское захоронение было совершено в «земляном ящике» [ОАК, 1908, с. 124, № 5], т.е., как можно полагать, в гробнице, сложенной из сырцового кирпича.

5.4. Исследования боспорских курганов

Блестящий период в изучении курганов Боспора Киммерийского, безусловно, был в прошлом, но вообще отказаться от их раскопок археологи всё-таки не могли. В ноябре 1905 г. В.В. Шкорпил писал в ИАК, что, убедившись в плохом качестве раскопок керченских курганов, он решил «ради опыта» предпринять дополнительные исследования нескольких небольших курганов. Центральные части насыпей этих памятников были разрыты в неизвестное время, поэтому археолог обращал внимание на их пóлы. В одном случае проведённые исследования позволили выявить остатки любопытной тризны и отдельные впускные гробницы IV в. до н.э. [1905 г., д. 4, л. 82-83, 143].

В 1906 г. Керченская городская управа «продала ряд курганов, находящихся в степи по правую сторону от дороги, ведущей к Царскому кургану» [1906 г., д. 4, л. 39]. Курганы были проданы управлению Керченского порта для получения грунта, необходимого для засыпки моря и устройства набережной. В.В. Шкорпил вынужден был организовать археологическое наблюдение за этими работами. В апреле 1914 г. были проведены спасательные раскопки кургана, расположенного в керченском городском саду, возле северных ворот. Этот курган раскапывался в XIX в., но его северная пола осталась нерасследованной [ОАК, 1913-1915, с. 85]. Необходимость дополнительных работ на кургане объяснялась тем, что из насыпи стали брать грунт для сооружения шоссе, ведущего к вокзалу. В.В. Шкорпил предпринял раскопки северной полы и обнаружил здесь остатки тризны с большим количеством керамических фрагментов. Из них удалось реставрировать девять чернолаковых и краснофигурных сосудов [1914 г., д. 4, л. 111-112].

Летом 1909 г. В.В. Шкорпил решил провести раскопки на некрополе хребта Юз-Оба. Для своих исследований он избрал курган, возвышавшийся слева от Чурубашской дороги (рис. 93). За два года археолог предполагал полностью снести насыпь этого кургана [1909 г., д. 10, л. 105, 446 сл.], но второй сезон оказался ненужным, поскольку надежды на яркие открытия не сбылись [Шкорпил, 1913а, с. 37-40]. В.В. Шкорпил хорошо изучил характер насыпи, высота которой превышала 3,30 м: её нижний горизонт (1,60 м) состоял из утрамбованной земли, а верхний (1,70 м) – из сплошной каменной засыпки (рис. 94). Он обнаружил также каменную крепиду, окружавшую курган, открыл остатки тризны в его восточной части, но центральный склеп оказался полностью разграбленным и даже разобранным. Следует отметить, однако, что исследователь довольно

подробно охарактеризовал все керамические находки, обнаруженные им в насыпи, и в отчёте даже дал прорисовки амфорных клейм (рис. 95).

Директора Керченского музея глубоко волновало состояние хрестоматийно известных боспорских памятников. Как уже говорилось выше (см. главу 2.11), он просил Императорскую комиссию дать разрешение на закрытие входа в один из курганов Юз-Обы, раскопанного в 1860 г. Склеп этого кургана через 50 лет после раскопок представлял, по выражению археолога, «мерзость запустения». Рабочие местных каменоломен разрушили свод гробницы, пробили её свод. «Варварство этих босяков дошло до того, что ими были срезаны ... почти все острые углы камней, из которых сложен свод усыпальницы» [1909 г., д. 10, л. 105]. Чтобы спасти склеп от окончательного разрушения, вход в него следовало непременно закрыть [ОАК, 1909-1910, с. 118].

Конечно, все эти древние монументы нуждались в охране и сбережении, но В.В. Шкорпил замечал также и то, что общеизвестные памятники на страницах публикаций воспроизведены не совсем верно. В частности, это касалось крепиды Золотого кургана, изображение которой в «Древностях Боспора Киммерийского», по его мнению, не даёт точного представления об этой монументальной конструкции. Для исправления положения необходимо было произвести фотографическую съёмку сохранившихся частей крепиды [1906 г., д. 4, л. 218], но сейчас трудно сказать, была ли эта ценная инициатива реализована на практике или нет.

При всей важности изучения керченских курганов памятники Тамани тоже имели очень большое значение. 30 июля 1906 г. в ИАК обратился М.И. Ростовцев. Он просил, чтобы В.В. Шкорпил произвёл раскопку двух курганов с расписными склепами на Таманском полуострове [1906 г., д. 4, л. 70]. Скорее всего, профессор Петербургского университета имел в виду Большую Близницу (о ней см. главу 2.5) и Васюринскую гору (о ней см. главу 2.7). На следующий год, однако, В.В. Шкорпил просил ИАК разрешить ему провести исследование Малой Близницы и расчистить расписной склеп на Васюринской горе [1907 г., д. 6, л. 53]. Несмотря на серьёзное противодействие, оказанное археологам владельцем земли, на которой находились Васюринские курганы, Н.В. Черковым, летом 1907 г. склеп был повторно вскрыт и сфотографирован (рис. 96). Пробоина в передней части потолка камеры была закрыта брёвнами и толстыми досками, а яма, образовавшаяся над ней в насыпи кургана, была засыпана землёй [там же, л. 88]⁸. Что касается Малой Близницы, раскопки которой начались более 40 лет назад (см. главу 2.6), то В.В. Шкорпил в 1907 г.

⁸ Обломки керамической посуды, найденные в 1907 г. в расписном склепе Васюринской горы, были по просьбе М.И. Ростовцева направлены в ИАК летом 1911 г. [1911 г., д. 7, л. 63], тогда же были высланы 14 фрагментов леканы, найденных в 1868 г. [там же, л. 64]. Изучив их, М.И. Ростовцев заключил, что фрагменты принадлежат четырём чернолаковым сосудам, в том числе большой расписной пиксиде, которую он датировал не позднее начала III в. до н.э. [Ростовцев, 1912, с. 149].

открыл здесь пять лошадиных костяков с любопытными уздечными наборами [ОАК, 1907, с. 84-85, 89; Шкорпил, 1910, с. 46-47]. Эти наборы до сих пор не опубликованы, но традиционно считаются довольно поздними [Ростовцев, 1925, с. 375; ср.: Виноградов, 2004б, с. 103-104]⁹. Последний раскопочный сезон на Малой Близнице пришёлся на 1915 г., когда В.В. Шкорпил недалеко от захоронения лошадей обнаружил остатки тризны [ОАК, 1913-1915, с. 146 сл.]. Эти находки не добавили ничего нового в наше понимание данного интереснейшего памятника.

В 1910 г. в станице Тамань В.В. Шкорпил доследовал курган, в котором местные казаки обнаружили «жжёную гробницу» с золотыми вещами и статером Александра Македонского. Археологу досталось совсем немного: золотая розетка и золотые бусы, бусы из белой пасты, бронзовый наконечник стрелы, черепки чернолаковых сосудов [1909 г., д. 10, л. 26-27; см.: ОАК, 1909-1910, с. 118].

В январе 1911 г. В.В. Шкорпил обратился в ИАК с рапортом [1911 г., д. 7, л. 8-9], в котором предлагал «в виду прежних замечательных открытий на Таманском полуострове, а также вследствие тайного кладоискательства, усиливающегося с каждым годом среди населения Кубанской области» провести раскопки на следующих курганах:

1. Нетронутые небольшие курганы около станицы Тамань.
2. Курган известный как «Карабетова гора»¹⁰.
3. Маленькие курганы, расположенные у подошвы хребта, на котором находятся Малая и Большая Близницы, влево от дороги, ведущей в Стеблиевскую станицу.
4. Наконец, предлагалось провести раскопки на самой Большой Близнице, точнее, на её неисследованных частях.

Планируя раскопки таманских курганов в 1911 г., В.В. Шкорпил просил руководство ИАК обратиться к атаману Кубанского войска с официальной бумагой,

⁹ В Рукописном архиве ИИМК РАН имеется письмо В.В. Шкорпила, направленное 23 апреля 1908 г. Б.В. Фармаковскому. В нём содержится следующее описание конской узды из Малой Близницы: «На головах лошадей найдены удила и головная сбруя, украшенная бронзовыми и серебряными бляхами и пластинками в виде голов Медуз и пр., но все эти металлические вещи были до такой степени испорчены окисью металла, что ничего нельзя было разобрать; только на 2-3 бляхах с трудом можно заметить человеческие лица. Сохранились только бусы, найденные на головах двух лошадей: бусы одной лошади (60 штук) сделаны из синего «финикийского» стекла с белыми глазками, бусы же другой – из кости» [1908 г., д. 13, л. 56]. Такое описание, в принципе, позволяет относить конские захоронения к IV в. до н.э., т.е. считать их синхронными основной гробнице кургана [см.: Виноградов, 2004б, с. 96-101], однако вопрос о датировке этих находок может быть решён только после специального изучения всех материалов Малой Близницы, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

¹⁰ Раскопки на Карабетовой горе были проведены в июле 1912 г. Эта изрытая таманскими кладоискателями гора оказалась природным холмом, получившим форму кургана, по заключению В.В. Шкорпила, «благодаря действию вулканических сил» [1912 г., д. 4, л. 74].

чтобы тот, в свою очередь, приказал атаманам Таманской и Вышестеблиевской станиц оказывать археологам всякое содействие. По этому поводу он, в частности, заметил [1911 г., д. 7, л. 20-21]:

«Эту свою просьбу я основываю, во-первых, на замеченном мною недоверии и сомнениях станичных атаманов относительно того, имеет ли заведующий Керченским музеем древностей право заниматься археологическими раскопками на общественных землях казачьего войска, а, во-вторых, на враждебном отношении ко мне тех жителей Тамани и Стеблиевки, которые в последнее время стали производить тайные археологические раскопки. Враждебное отношение последних я постараюсь до некоторой степени смягчить тем, что приму самых главных из них в свою рабочую артель, но для меня было бы в высшей степени важно и желательно и то, чтобы начальствующие лица в упомянутых двух станицах относились ко мне с полным доверием и оказывали мне содействие всякий раз, как это окажется для меня необходимым».

Следует сразу отметить, что нужная бумага на имя атамана Кубанского казачьего войска из Петербурга была направлена незамедлительно [1911 г., д. 7, л. 22], и он издал соответствующие приказы¹¹, а вот реализовать намеченную программу В.В. Шкорпилу не удалось. Как было сказано, основные работы 1911 г. были сосредоточены на некрополях Тузлы и у хутора Кротенко (см. главу 5. 3). На Тузле, конечно, имелись курганы [Соколов, 1919а, с. 51], но этот некрополь вряд ли следует считать исключительно курганным. Во всяком случае, исследователь ни разу не охарактеризовал какой-либо раскопанной им курганной насыпи; во всех случаях говорилось лишь о глубине погребений от современной поверхности.

Проведённые В.В. Шкорпилом в 1911 г. раскопки «Колодыковой могилы» и двух других небольших курганов, расположенных в степи к юго-востоку от Тамани, привели к открытию погребений со скорченными костяками [1911 г., д. 7, л. 273-278; см.: ОАК, 1911, с. 38; Шкорпил, 1914в, с. 71-72], как мы сейчас знаем, относящихся к бронзовому веку. В одном из них был даже обнаружен деревянный сруб, практически во всех погребениях зафиксированы следы окрашенности, куски красной краски и пр. Погребальный инвентарь был очень беден, исследователи нашли лишь пару горшков, сделанных из грубой глины, которую таманские казаки называли «ржаным хлебом», сам В.В. Шкорпил условно именовал такие сосуды «скифскими» [1911 г., д. 7, л. 273, 278].

¹¹ В циркулярном распоряжении от 20 марта 1912 г. атаман обратился к таманцам с требованием искоренить кладоискательство, обещая строго наказывать за это всех: и рядовых казаков, и местное начальство. В июле 1913 г. был отдан приказ проводить неожиданные обыски в домах подозреваемых в разрытии древних могил [Гладкий, 1916, с. 20]. Все эти приказы, однако, не привели к заметному улучшению ситуации.

В январе 1912 г. директор Керченского музея информировал Археологическую комиссию [1912 г., д. 4, л. 36-37]:

«Главное внимание я принуждён обратить на продолжение таманских раскопок, где в течение последних осени и зимы деятельность кладоискателей достигла своего апогея. Сейчас, после моего отъезда из Тамани, несмотря на циркулярное запрещение наказного атамана Кубанского войска разрывать древние гробницы, по всем окрестностям станицы Таманской начались незаконные раскопки казаков, причём расхищались не только сплошные некрополи на равных (т.е. равнинных – Ю.В.) местах, как прежде, но и курганы. Особенно находка золотого венка весом почти в два фунта ... усилила деятельность таманских грабителей. О развитии кладоискательства на Таманском полуострове даёт самое ясное понятие тот факт, что на днях приедет из Темрюка в Тамань специально вызванный судья, которому предстоит пересмотр осмидесяти протоколов, составленных в течение последних месяцев о расхищении древних гробниц. Я дважды телеграфировал по поводу хищнических раскопок в Тамани заведующему Екатеринодарским музеем г. Гладкому, по докладу которого наказной атаман два раза делал распоряжения о принятии самых энергичных мер к прекращению хищнических раскопок в Тамани и её окрестностях. В последнее время казаки перестали разрывать холмы в окрестностях станицы, но я уверен, что в конце лета и осенью по окончании полевых работ, кладоискательство возобновится с прежней силой».

В ноябре-декабре того самого 1911 г., когда директор Керченского музея исследовал малоинтересные для него курганы бронзового века, «счастливики» открыли под Таманью замечательный погребальный комплекс. Они начали разрывать насыпь Зеленского кургана и наткнулись на «жжёный точёк», а затем, вероятно, на гробницу с кремацией, в которой обнаружили очень ценные находки, в том числе часть упомянутого в письме В.В. Шкорпила золотого венка, а также золотой статор Александра Македонского. Для изъятия этих ценностей у кладоискателей были приняты необходимые меры, хотя они к тому времени уже попали в Керчь, в руки торговца древностями И.А. Терлецкого [1911 г., д. 7, л. 135-137], о деятельности которого неоднократно говорилось выше. В.В. Шкорпил вполне понимал, что к доследованию кургана нужно было приступить как можно быстрее.

Надо признать, что Зеленской курган не отличался грандиозностью размеров (диаметр насыпи составлял 53,30 м, длина окружности основания – 192,80 м, высота насыпи – всего 4,50 м). Тем не менее, Археологическая комиссия приняла решение доследовать его [ОАК, 1912, с. 48-49], и это решение было, безусловно, верным. В.В. Шкорпил приступил к раскопкам 31 мая 1912 г. (рис. 97), а 21 июня он уже послал в Петербург телеграмму следующего содержания [1912 г., д. 4, л. 65]:

«Приехал (в) Керчь (на) один день, (чтобы) отправить найденные золотые вещи. Нет физической возможности составить счёт, когда обилие обнаруженных (в) кургане гробниц требует моего присутствия. Буду продолжать раскопки (на) личные средства (в) пределах ассигнованной суммы»¹².

Первая обнаруженная В.В. Шкорпилом гробница была устроена в юго-восточной части насыпи на высоте около 0,90 м от материка. Она была сложена из плит известняка в виде ящика; три плиты перекрывали эту конструкцию (рис. 98). Костяк в этом ящике лежал на плитах пола головой на восток; на голове находился золотой венок с геракловым узлом в центре, поблизости от которой были расположены разнообразные подвески. В ногах стояла чернолаковая пелика с каннелированным туловом, украшенная на горле позолоченной гирляндой из накладной глины. Рядом с погребённым было положено копье, 5-6 дротиков и, вероятно, горит с луком и стрелами. Автор раскопок связывал с горитом находку зооморфного крючка, лежавшего около левой ноги [1912 г., д. 4, л. 211, прим.]. Около правой руки погребённого лежал железный стригиль, на груди находились янтарные и лигнитовые бусы, золотая круглая фибула, украшенная гранатом с вырезанным на нём изображением головы сатира. Вне гробницы, против её юго-западного угла, было открыто захоронение лошади, которая, судя по остаткам краски, имела розовую попону.

К востоку от гробницы воина был обнаружен каменный ящик, на одну треть вкопанный в материк. Сверху на нём лежали обломки гладкой медной пластины, которую В.В. Шкорпил предположительно определил как обивку круглого щита. В самом ящике было обнаружено 342 железных наконечника стрел, железный нож, 93 экземпляра круглых золотых бус, множество узких полосок листового золота и пр. Рядом с этим сооружением с юга и востока лежали костяки двух лошадей, при которых не было никаких вещей [1912 г., д. 4, л. 213-214].

В нескольких шагах к северо-западу от ящика находился земляной склеп с дромосом, впущенный в материк почти на 1,60 м [там же, л. 214-217]. Сверху вся конструкция была перекрыта толстыми брёвнами. Около западной стены склепа стояла чернолаковая гидрия, украшенная на горле двумя позолоченными ветками из накладной глины. Она была почти доверху наполнена золой и пережжёнными костями. Среди праха были найдены: железный перстень, обтянутый золотым листом, части золотого венка, золотые бусы, золотая фигурка сирены, золотой статер Александра Македонского и пр. Кроме погребальной урны, в склепе было найдено большое количество металлической посуды, особый интерес в её составе привлекает набор серебряных сосудов [см.: Гайдукевич, 1949, с. 132, 134-135, рис. 21-22; Максимова, 1979, с. 72-76, рис. 23А].

¹² Для доследования Зеленского кургана В.В. Шкорпилу из ИАК было немедленно переведено 2385 руб. [1912 г., д. 4, л. 68].

В северной поле кургана было обнаружено место тризны с большим количеством разбитой керамической посуды, в том числе чернолаковых тарелок, киликов и асков. Среди этих обломков находились части большой панафинейской амфоры с надписью, которую В.В. Шкорпил реконструировал как [NEA]XMO[Σ, т.е. относил архонту Неайхму – 320/19 г. до н.э. [1912 г., д. 4, л. 93, 217; Bentz 1998: 179, 226, Kat. 4, 119]. М.И. Максимова считала такую интерпретацию возможной, но допускала и иные реконструкции (Демогена, Демоклида), последние относятся соответственно к 317/16 или 316/15 гг. до н.э. [Максимова, 1961, с. 17; Уильямс, Огден, 1995, с. 178]. Здесь же, под северной полой, было открыто место, где в кучу были сброшены обломки остродонных амфор и боспорских черепиц, некоторые из которых имели клейма [1912 г., д. 4, л. 217]. По поводу этих находок В.В. Шкорпил писал В.В. Латышеву [там же, л. 93]:

«Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Решаю Вас беспокоить следующими проблемами. При раскопках на Зеленской горе найдено мною в этом году, между прочим, куча разбитых амфор с клеймами и надписями. Эти керамические надписи интересны тем, что их можем точно датировать на основании других находок, известных из кургана».

Материалы керамической эпиграфики, безусловно, имеют принципиальное значение для датировки кургана, не случайно автор раскопок посвятил им специальное исследование [Шкорпил, 1914а, с. 121 сл.]. И.Б. Брашинский относил амфорные клейма этого комплекса к концу IV – началу III вв. до н.э. [Брашинский, 1984, с. 140; см. также: Монахов, 1999, с. 484]. Точная датировка всех комплексов Зеленского кургана, однако, пока ещё не установлена, но ясно одно – В.В. Шкорпилу посчастливилось открыть один из важнейших археологических памятников [см.: ОАК, 1912, с. 48-49; Шкорпил, 1916, с. 22 сл.; Ростовцев, 1925, с. 290 сл.; Полин, 1992, с. 58-60; Уильямс, Огден, 1995, с. 178-179; Pfrommer, 1990, S. 286], который можно отнести к началу того периода боспорской истории, который следует за падением Великой Скифии [Виноградов, 2005, с. 291].

Результаты раскопок Зеленского кургана произвели большое впечатление не только на научный мир, но и на таманских казаков, которые в связи с этим провели сход и приняли на нём специальное решение. Казаки намеревались включиться в раскопки, так сказать, на законных основаниях. Раскопками должны были руководить лица, избранные казаками из своей среды, под наблюдением директора Керченского музея. Слеплённые блеском недавно открытых сокровищ, станичники предлагали работать бесплатно, надеясь получить лишь 50 % от стоимости вещей, которые они обнаружат в древних гробницах. Оценка вещей должны были производить в Императорской архе-

ологической комиссии. В.В. Шкорпил от этого энтузиазма не ожидал ничего хорошего, свою позицию он разъяснил в письме в ИАК [1913 г., д. 4, л. 257-258]:

«В приговоре таманского станичного сбора я вижу простую увёртку, придуманную бывшим атаманом Самойленко или его вдохновителем приставом Толстопятом с тем, чтобы оправдать себя в глазах наказного атамана, искренно заинтересованного в прекращении таманского кладоискательства и знающего хорошо о расхищении древних гробниц по письмам, отправляемым заведующему Кубанским музеем мною и членом Кубанского музея В.В. Соколовым.

Что же касается самого предложения станичного сбора и просьбы о разрешении казакам производить раскопки под наблюдением директора Керченского музея и уполномоченных от общества, то такое ходатайство, на мой взгляд, следует решительно отклонить, потому что во всей станице не найдётся ни одного казака или “иностранного”, который согласился бы работать на своих харчах только на основании одного обещания, что он получит часть половинной суммы, присуждённой Императорской археологической комиссией за найденные вещи. Кроме того, я считаю для себя унижительным наблюдать за такого рода раскопками в обществе и под контролем грубых и невежественных лиц, которые будут избраны станичным сбором станицы Таманской».

В 1913 г. В.В. Шкорпил очень много внимания уделил находке, сделанной таманским казаком Ф. Бурло, который летом этого года работал в его археологической артели. Речь идёт об одном из важнейших комплексов времени архаики на Таманском полуострове – погребении у Цокур-Лимана (правильное название – лиман Цокур), содержащем бронзовый топорик, бронзовые наконечники стрел, бронзовую бляху, исполненную в зверином стиле, греческую ойнохою и пр. [1913 г., д. 4, л. 47; см.: ОАК, 1913-1915, с. 145-146]. Директор Керченского музея даже просил казачьего офицера В.В. Соколова, проживавшего в Тамани, проверить правильность информации Ф. Бурло. Тот отвечал, что раскопщику «можно доверять, по крайней мере, рассказ его производит впечатление полного правдоподобия, да и парень он, насколько я знаю, правдивый» [1913 г., д. 4, л. 52]. В.В. Соколов, основываясь на информации из рассказа Ф. Бурло, даже составил схему раскопанного тем погребения с обозначением расположения костяка и сопровождающего инвентаря (рис. 99). Достоверность этого памятника ни у кого не вызывает сомнения [Прушевская, 1917, с. 31 сл.; Ростовцев, 1925, с. 345-349]; М.Ю. Вахтина датирует погребение у Цокурского лимана второй четвертью – серединой VI в. до н.э. [Вахтина, 1993, с. 56].

В 1916 г. было сделано ещё одно важное открытие, оно связано с находкой таманского мраморного саркофага. В связи с этим 2 февраля 1916 г. В.В. Шкорпил послал в Археологическую комиссию телеграмму [1916 г., д. 4, л. 32]:

«Казаками открыт (на) Лысой горе мраморный саркофаг (с) акротериями, розетками, надписью. Произвожу раскопки. Перевезу саркофаг (в) ограду Покровской церкви. (В) скором будущем пошлю описание, фотографии».

На самом деле надписей на саркофаге не было, но само по себе данное открытие от этого не стало менее интересным и важным. Лысая гора, на которой был насыпан курган, расположена приблизительно в километре от Тамани (рис. 100). Местные казаки во главе с А. Деревёнцем производили здесь грабительские раскопки и 1 февраля обнаружили большую каменную гробницу (4,22 × 2,30 м), перекрытую крупными каменными плитами, внутри которой стоял мраморный саркофаг. Этот саркофаг, украшенный акротериями, золочёными розетками и т.д., стал хрестоматийно известным памятником классической древности района Керченского пролива [см.: Гайдукевич, 1949, с. 284; Пятышева, 1949; Соколов, 1973, с. 72-73]. Описывать его ещё раз не имеет смысла, важнее будет обратить внимание на особенности данного погребального комплекса и некоторые сделанные здесь находки. В.В. Шкорпил по этому поводу писал [1916 г., д. 4, л. 37]:

«При последнем вскрытии саркофага найдены кости двух костяков разбросанными по всему дну. Среди костей остались: костяная рукоять ножа, украшенная на лицевой стороне 18 кружочками, глиняный шарик со следами позолоты и золотая подвеска в виде кисточки, принадлежавшая, по-видимому, к золотым вещам, похищенным таманскими грабителями. На почти ровной крышке саркофага, судя по обильным следам сукровицы и по костям, найденным под длинными сторонами саркофага, лежали другие два костяка».

Из этого описания ясно, что, по мысли исследователя, в гробнице на Лысой горе были похоронены четыре человека, при этом два из них, составлявшие более раннее захоронение, находились в саркофаге, а два других были положены на его крышку позднее [см. также: ИАК, вып. 65, с. 16-171; Gladкий, 1916; Соколов, 1919б; Гриневич, 1928; Пятышева, 1949; Виноградов, 2010б]. Не ясно, правда, почему В.В. Шкорпил написал, что кости последних были найдены «под длинными сторонами саркофага». Вероятно, в данном случае это выражение означает, что кости лежали около его основания, в противном случае опытный археолог, конечно, отметил бы факт перекрывания костей саркофагом и в связи с этим дал бы совсем другое заключение.

С данной гробницей связаны две пелики. Одна из них чернолаковая с каннелированным туловом и орнаментом в виде двух гирлянд на горле, сделанных из накладной глины и позолоченных (рис. 101-102); другая – акварельная с изображением двух фантастических существ около треножника [см.: Тункина, 2010, с. 72, рис. 66]. Обе были приобретены у грабителей торговцем древностями

Е. Запорожским и впоследствии выкуплены у него В.В. Шкорпилом. Нет сомнений в том, что обе пелики происходят из данного комплекса, поскольку несколько фрагментов именно этой чернолаковой пелики было найдено при расчистке гробницы археологами [1916 г., д. 4, л. 40]. В.В. Шкорпил связывал чернолаковый сосуд с более ранним погребальным комплексом гробницы, а акварельную пелику – с поздним. Основываясь на этих находках, он датировал гробницу временем Александра Македонского или началом III в. до н.э. [там же, л. 38]. Последняя датировка представляется сейчас явно более предпочтительной.

Однако кроме пелик в Археологическую комиссию В.В. Шкорпил направил ещё два предмета: звёздочку из тонкого золота, найденную в мраморном саркофаге, и бронзовую монету с изображением головы Посейдона на лицевой стороне и проры корабля на оборотной, обнаруженную в насыпи кургана недалеко от гробницы [там же, л. 55]. Выпуск таких монет в Пантикапее, по заключению Д.Б. Шелова, приходится на третью четверть III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, табл. VI. 75], В.А. Анохин относит их к ещё более позднему времени – 220-210 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 142, № 144]. Последняя хронологическая атрибуция заставляет считать, что монета, обнаруженная в насыпи кургана, попала сюда случайно. Датировка Д.Б. Шелова, напротив, вполне позволяет связывать эту находку с гробницей и предполагать, что она относится к поздним захоронениям, сделанным на крышке саркофага. Оценивая весь происходящий из кургана вещевой материал, можно даже предположить, что погребения здесь начали совершаться в первой четверти III в. до н.э., а закончили в начале третьей четверти этого столетия [Виноградов, 2010б, с. 117-118].

В заключение этого раздела следует обратить внимание, что А.А. Миллер в 1908, 1909 и 1911 гг. провёл раскопки *Елизаветовского курганного некрополя* в дельте Дона, который упоминался выше (см. главу 2.9). В первый год работ он предпринял исследования на 8 небольших курганах, обнаружив в них грунтовые ямы, погребённые в которых лежали головами на запад [ОАК, 1908, с. 131; Миллер, 1910, с. 93-98]. Исследователь датировал открытые им комплексы III–II вв. до н.э. [ОАК, 1908, с. 132]. Сейчас эта датировка признана ошибочной, и Елизаветовский могильник относят к V–IV вв. до н.э. [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 214-227]. В 1909 г. было раскопано ещё 18 курганов [ОАК, 1909-10, с. 141 сл.; Миллер, 1910, с. 98-109], в некоторых из них были обнаружены замечательные находки. В кургане № 1 был найден меч с золотой обивкой ножен [ОАК, 1909-10, с. 145; см.: Артамонов, 1966, с. 78, табл. 324], а в кургане № 6 – золотые пластины с рельефным изображением лежащего оленя [ОАК, 1909-10, с. 145]. В последний раз А.А. Миллер раскапывал Елизаветовские курганы в 1911 г. По его наблюдениям, практически все погребения, обнаруженные в 35 вскрытых им курганах, относятся к VI–I вв. до н.э. [Миллер, 1914, с. 221]. Эта датировка более отвечает действительности, чем предлагавшаяся им ранее, поскольку она хотя бы частично охватывает время существования некрополя.

Рис. 93. Юз-Оба. Курган у Чурубашской дороги, вид с севера [1909 г., д. 106, л. 11].

Рис. 94. Юз-Оба. Раскопки кургана у Чурубашской дороги в 1909 г. [1909 г., д. 106, л. 8].

сохранилась правая половина
буквы М.

8) Два горла простых ам-
форы с выгравированными вглубь
надписями:

а) ΔΙΟΝΥ

ΣΙΟΚΕ

б) ΙΣΑΤ

ΟΡΟ

а) Διονυ-

σιου. κρητου.

б) [Σ]ισα-

[Χ]ορου.

9) Две оросекские ручки с над-
писями: X

а) ΛΕΩΓ

ΘΑΣΙ

ΚΛΕΑ

а) Λεωφουδ.

Θασιου.

κλειουδου?

б) ΑΡΗ

Соразий фракен

ΙΣΤΑΓΟ

б) Α[σ]τιδου. ✓

[Θ]ασιου.

[Α]σταφου. *)

10) Большой неслышный гвоздь с
загнутыми концами и обломки
пел. пинеа.

11) Почти на поверхности кур-
гана найдено горло краснолако-
вого сосуда с одной ручкой (terra

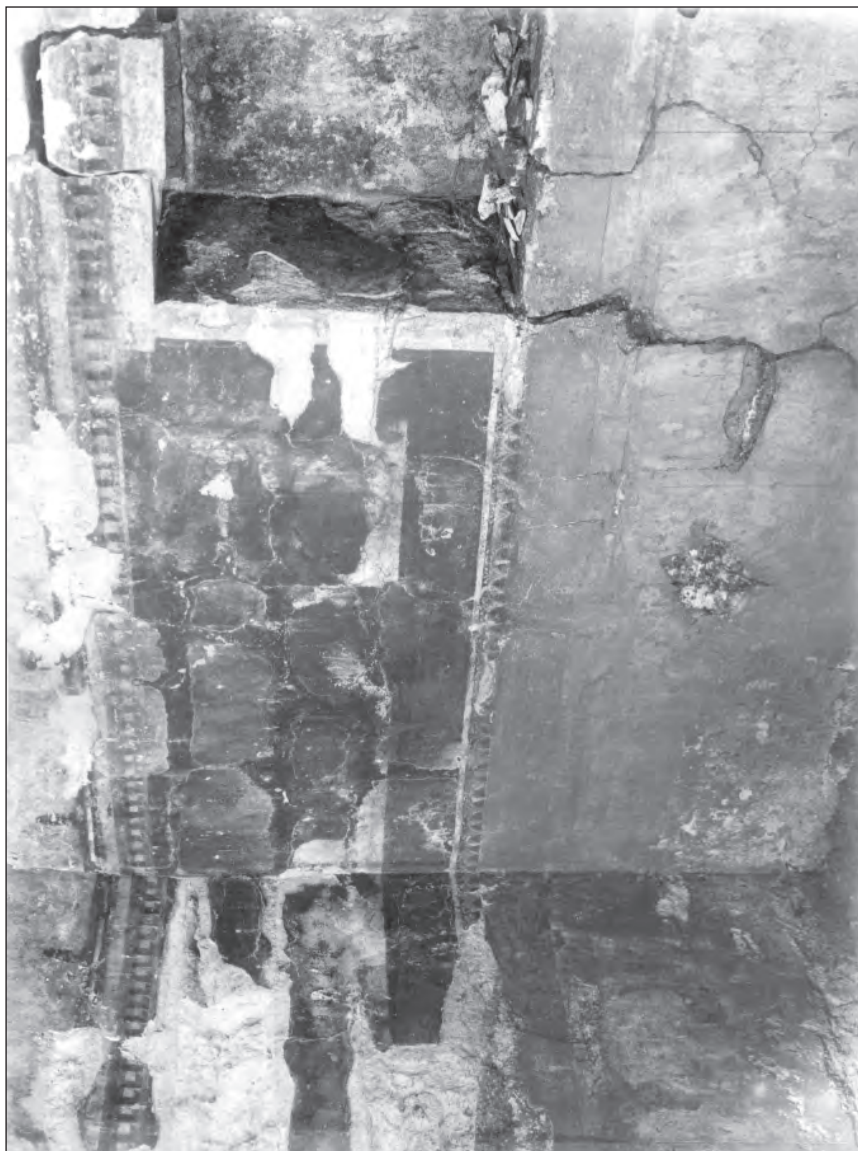

Рис. 96. Расписной склеп на Васюринской горе, левый угол [1907 г., д. 6, л. 38].

Рис. 97. Раскопки Зеленского кургана [1912 г., д. 4, л. 657].

Рис. 98. Каменная гробница Зеленского кургана [1912 г., д. 4, л. 656].

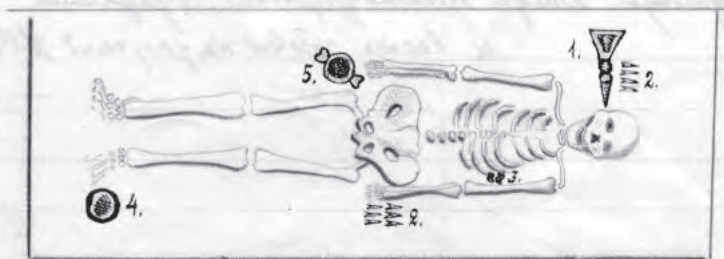
ИМЕНИ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ОКОЛОВЪ

Талань, (Куб. обл.).

Ноября 10 Эм. 1913 г.

Дорогой Владимир Васильевич!

Посылаю Вам, напопых, расписку Фелицы Турин.
Она, к сожалению, осталась не готовенью оураков маминских, ду-
сман ридо комиссий даситъ боржо. Это вещи набодема
въ одной уроднице, я думаю Фелицѣ можно доверить,
по крайней мѣрѣ, раздать ей протѣдующий инвентаріи
пошлин правдою дотис, да и парекъ она, насколько я
его знаю, правуленъ. Присылаю рисунокъ разни-
щенихъ вещей в уродницу по раскладу Фелицѣ.

Чернилами обозначены места и предметы окраски:

1. Боевой топоръ.	4. Коримбосъ сосудъ
2. Стрѣла	5. Чаша (проектъ и кроитъ по фаз-
бутой.)
3. Мечъ	

Рис. 99. Схематический план погребения у Цукур-Лимана, составленный В.В. Соловьёвым [1913 г., д. 4, л. 52].

Рис. 100. Курган на Лысой горе под Таманью во время раскопок [1916 г., д. 4, л. 93].

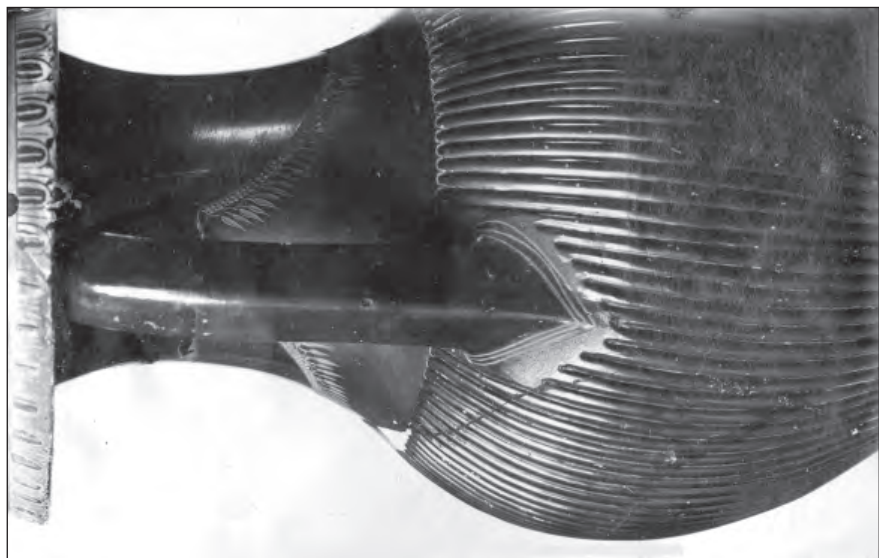

Рис. 102. Деталь чернотаковой пелики [1916 г., д. 4, л. 92].

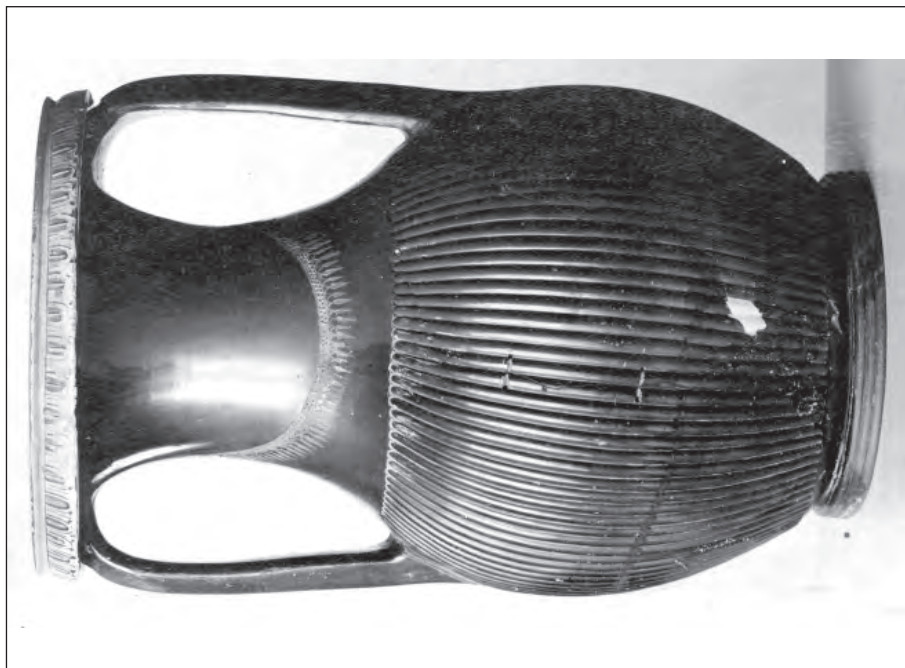

Рис. 101. Чернотаковая пелика из склепа кургана на Лысой горе [1916 г., д. 4, л. 89].

5.5. Раскопки поселений

Изучение Пантикапея

Главным объектом археологических раскопок среди всех городищ Боспора, конечно, оставался Пантикапей. После раскопок К.Е. Думберга, связанных с открытием «пантикапейских терм» или «храма Геркулеса», которые произвели большое впечатление на научную общественность, требовалось продолжение поисков в обозначенном направлении. Не удивительно, что В.В. Шкорпил предпринял исследования на «пепелище» северного склона горы Митридат. Здесь был заложен раскоп площадью более 150 кв. м, мощность культурных напластований достигала 8,5 м; от этого раскопа в северо-западном направлении было сделано несколько мин [1901 г., д. 12. 111; см.: ОАК, 1901, с. 51]. Исследователь дал весьма подробную характеристику всех находок, происходящих из слоя, подсчитав количество обнаруженных амфорных клейм¹³, монет и т.д. В отношении монет он отметил, что их найдено 455 экземпляров, но лишь 94 удалось определить, при этом в верхних слоях «пепелища» фиксировались монеты боспорских царей первых веков н.э., а на глубине двух метров и более те, которые принадлежат «первым временам Пантикапея» [1901 г., д. 12, л. 111-112]. В основании этой насыпи археолог обнаружил лишь два ряда каменных кладок, образующих подобие узкого тротуара [там же, л. 113].

В 1902 г. раскопки «пепелища» были продолжены, но задача изучения руин Пантикапея специально уже никак не была выделена. Более того, из-за несчастного случая (падение одного из посетителей городища в яму) было решено засыпать «особенно опасные места среди развалин, открытых К.Е. Думбергом» [1902 г., д. 32, л. 30-31].

Информируя ИАК о планах работ 1903 г., В.В. Шкорпил считал возможным возобновить систематические разыскания в верхней части северного склона Митридатовой горы. При этом он писал: «Я не буду делать сплошного раскопа, как в 1901 году, но буду копать в глубокой насыпи колодцы и из них проводить мины во все стороны» [1903 г., д. 19, л. 127]. Подобная методика археологических исследований, особенно на фоне масштабных, хорошо организованных и целенаправленных раскопок в Ольвии и Херсонесе, конечно, кажется каким-то жутким анахронизмом. Археологическая комиссия, однако, не указала В.В. Шкорпилу на порочность практикуемых им методов раскопки городища.

Вместе с тем, целенаправленно и систематически изучая некрополь Пантикапея, В.В. Шкорпил делал наблюдения относительно расширения границ города. Так, при раскопках могильника V-III вв. до н.э. под Вторым креслом Митридата (см. выше) он заметил, что городские постройки стали

¹³ Амфорным клеймам из раскопок этого года было посвящено специальное исследование [Шкорпил, 1902, с. 122 сл.].

распространяться сюда не ранее II в. до н.э. [1907 г., д. 6, л. 334; см.: Блаватский, 1951, с. 24]. Археолог продолжал с пристальным вниманием относиться к снятию напластований пантикапейского «пепелища», закладывая здесь огромный раскоп (69,07 × 11 м; см. рис. 103) с целью обнаружения перекрытого им некрополя. В.В. Шкорпил разделил эту насыпь на два крупных пласта, из которых верхний относился к первым векам н.э., а нижний – к более ранним временам [1908 г., д. 13, л. 303-304; см.: Шкорпил, 1911, с. 63].

Археологу не давала покоя и другая мысль, он стал специально присматриваться к склонам горы Митридат, стараясь угадать место, на котором мог находиться древний театр. Сомнений в существовании пантикапейского театра у В.В. Шкорпила не было – в том его убеждали как размеры и величие столицы Боспора, так и свидетельство Полиэна о поездке сюда полководца Мемнона и кифареда Аристоника [Polyaen. Strateg., V, 44, 1]. О своих поисках в этом направлении исследователь сообщил следующее [1909 г., д. 10, л. 28-29]:

«Самым подходящим местом (для поисков театра – Ю.В.) показалась мне впадина на юго-восточном склоне горы, отстоящая приблизительно на 200 шагов от здания бывшего музея в юго-восточном направлении. Впадина эта начинается за теперешней Александро-Невской церковью и, постепенно расширяясь, доходит почти до половины склона горы, до того места, где находится дорога, устроенная когда-то попечением градоначальника Херхеулидзе. Впадина обращена к юго-востоку, подобно театру Диониса в Афинах; отсюда открывается роскошный вид на бухту, пролив и на противоположный берег Таманского полуострова. Нижняя часть впадины застроена негодными лачужками, верхняя засыпана землёй, разбросанной при устройстве вышеупомянутой дороги, поэтому пришлось производить разведки между лачугами и дорогой. В разных пунктах этого пустопорожнего места сделано пять четырехугольных ям, чтобы расследовать насыпь и убедиться, на какой глубине находится материк и не сохранились ли на нём следы каменных скамеек, так как здесь, по моему расчёту, должны были находиться места для зрителей. К сожалению, на материке, находящемся на глубине 1,95–2,10 м, не найдено не только каменных сидений, но даже никаких вырезок или вообще следов, которые бы указывали на существование какой-нибудь постройки. Если даже допустить, что в пантикапейском театре были деревянные сидения, как то видим, напр., в Оропе, то и тогда в материке должны были сохраниться хоть какие-нибудь следы. Впрочем, такое предположение едва ли допустимо в Пантикапее, который славился и славится, с одной стороны, необычайным изобилием хорошего известняка, а, с другой, – недостатком строевого и вообще всякого леса».

Поиски пантикапейского театра, как видим, завершились полной неудачей,

и директор Керченского музея, по всей видимости, несколько охладел к изучению этого городища. По долгу службы он, естественно, осуществлял наблюдение за строительными работами в городе, во время которых порой открывались весьма любопытные объекты. Так, в 1911 г. при разборке старых домов была обнаружена огромная стела с рельефными изображениями (рис. 104).

Последний эпизод деятельности ИАК, в котором проявился научный интерес к руинам Пантикапея, связан с тем, что в 1915 г. М.И. Ростовцев обратился к В.В. Шкорпилу с поручением составить план Керчи «с нанесением на него остатков старых стен» [1915 г., д. 4, л. 21]. Эта очень нужная работа, естественно, требовала привлечения специалистов и немалых средств; в 1918 г. директор Керченского музея телеграфировал в Петроград, что для составления плана необходимо 600 руб. [1918 г., д. 1, л. 5, 13]. Вряд ли стоит много говорить о том, что в условиях разгорающейся Гражданской войны найти такие деньги и переправить их в Керчь было делом абсолютно безнадежным.

Планы раскопок Мирмекия

В 1911 г. В.В. Шкорпил обратился в ИАК с предложением провести раскопки на городище Мирмекий. На месте Керченского Нового карантина он планировал начать исследования ещё в 1910 г., но не смог этого сделать по причине обрушившейся на город эпидемии холеры; в карантине были устроены холерные бараки. Своё намерение керченский археолог мотивировал следующим образом: «В этом месте, где находился древний Мирмекий, нужно непременно произвести обширные археологические расследования, потому что в виду упразднения карантина в Керчи, Керченская городская дума намерена хлопотать перед правительством о передаче ей всего этого места для того, чтобы тут устроить дачное место и купание» [1911 г., д. 7, л. 9]. Раскопки в Мирмекии не были начаты, и, надо думать, главной причиной тому стало то, что разрешение на устройство здесь «дачного места» получено не было.

Изучение поселений азиатского Боспора

На Таманском полуострове целенаправленного изучения городищ или селищ в это время не проводилось. Тем не менее, время от времени местные жители открывали остатки древних построек, и тогда Археологическая комиссия направляла туда В.В. Шкорпила для осмотра обнаруженных объектов. В 1902 г. на северном берегу лимана Цокур было обнаружено основание какого-то здания и даже снят его план [рис. 105; 1902 г., д. 45]. Директор Керченского музея осмотрел это основание и констатировал, что план снят правильно. После этого он предпринял там небольшие раскопки, обнаружив слой сильного пожара, в котором находились «черепки простых амфор, обломки желобчатых сосудов кирпичевого цвета и пр.» [там же, л. 2]. На основании этой скупой информации постройку можно было бы датировать периодом эллинизма, но найденные здесь две монеты Савромата II свидетельствуют, что она принадлежит римскому времени. Относительно назначения этого сооружения археолог заключил, что оно

не могло быть ни укреплением, ни святилищем, ни зданием «монументального значения». В.В. Шкорпил полагал, что «обнаруженный фундамент представляет остатки какого-то частного здания, построенного на берегу лимана или рыбаками, которые здесь занимались рыболовством, или мореходами, которые, направляясь в бурное время из Черного моря в Корокондаму или в Фанагорию, предпочитали этот кратчайший путь продолжительному или затруднительному плаванию через пролив» [там же, л. 2-3]¹⁴.

Проводя исследования некрополя на Тузлинском мысу, В.В. Шкорпил задался вопросом, к какому древнегреческому городу его следует относить. Он отметил, что на всём протяжении побережья от Тамани до Тузлы и от Тузлы до Бугаза нет ни единого удобного места, к которому древнее поселение можно было бы отнести; на крутом берегу были расположены лишь отдельные хутора и рыбные заводи. Исследователь обратил внимание, что за 30 лет в этом месте море поглотило полосу берега в 20 сажень шириной (т.е. в 42,67 м), и, в принципе, вполне можно было допускать, что какое-то поселение попросту исчезло [1911 г., д. 7, л. 186-187]. Далее он писал:

«Кое-где, напр., возле Тузлинской грязелечебницы и возле хутора Кротенко замечаются площадки с остатками древних жилищ, но они слишком незначительны, чтобы свидетельствовать о существовании на них деревень, не говоря уже о городах, какими были Корокондама, Кепы и др. Не отрицая возможность, что частые волнения этой открытой части Керченского пролива вместе с влиянием дождей, постоянных ветров, морозов и солнца могли совершенно смыть территорию целого города, мы, однако, оставляя пока в стороне сбивчивые известия древних писателей, предпочитаем мнение, что оба некрополя 1911 г. (Тузла и у хутора Кротенко – Ю.В.) принадлежали колонии, занимавшей место теперешней Тамани. Разумеется, при наличном материале мы не в состоянии ещё решить вопроса, называлась ли эта колония Корокондамой или Кепами, или иначе. Расстояние некрополя от колонии не будет противоречить нашему предположению, если мы примем в расчёт отдалённость, напр., Золотого или Куль-Обинского курганов от Пантикапеи и проч.» [там же, л. 187-188].

Вопрос о принадлежности Тузлинского некрополя тому или иному боспорскому городу до сих пор окончательно не решён. М.И. Ростовцев был согласен с В.В. Шкорпилем и полагал, что он был связан с поселением на месте Тамани,

¹⁴ В.В. Шкорпил, по всей вероятности, знал о возможности водного пути из Чёрного моря в Азовское через протоки Таманского полуострова, минуя Керченский пролив. Современные исследователи предлагают именовать эту артерию Боспором Кубанским [Журавлёв и др., 2011].

т.е. с Гермонассой [Ростовцев, 1925, с. 351]. Н.П. Сорокина считала, что данный некрополь принадлежал Корокондаме [Сорокина, 1957, с. 50], хотя последняя, на мой взгляд, вполне могла входить в состав полиса Гермонассы.

Елизаветовское городище на Дону

Этому городищу Археологическая комиссия уделяла внимание ранее (см. главу 2.10). В 1908 г. она поручила А.А. Миллеру провести разведки на Нижнем Дону, в районе Елизаветовского городища, и в 1909 г. здесь были предприняты довольно значительные раскопки [Миллер, 1910, с. 86, 120-122]. В основном они были связаны с исследованием курганного некрополя (см. выше), но раскопки были предприняты и на площади городища [Миллер, 1910, с. 120 сл.]. На этом памятнике в 1908 г. А.А. Миллер заложил траншею площадью более 28 кв. м, обнаружив здесь фрагменты греческих амфор, сероглиняных сосудов, обломки кровельных черепиц и пр. [ОАК, 1908, с. 130]. На следующий год была заложена ещё одна траншея, исследования на которой доведены до материка; мощность культурных напластований на этом участке, как выяснилось, достигала 2,50 м [ОАК, 1909-10, с. 146; Миллер, 1910, с. 122-124]. За два года работ А.А. Миллер не выявил здесь никаких строительных остатков, но обнаруженный им вещевой материал, состоящий из импортной греческой и лепной варварской керамики, очень показателен и характерен для данного памятника. На основании этих находок исследователь сделал правильный вывод: «Обломки амфор и чернолаковой посуды позволяют связать городище с курганным могильником в одно целое по времени и культуре» [ОАК, 1909-10, с. 147]. Другой вывод А.А. Миллера не выдержал проверки временем; он отождествил Елизаветовское городище с Танаисом [Миллер, 1910, с. 124], что, как считалось ранее (см. главу 2.10) и было подтверждено позднее, не соответствует истине [Шелов, 1970, с. 9; Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 18].

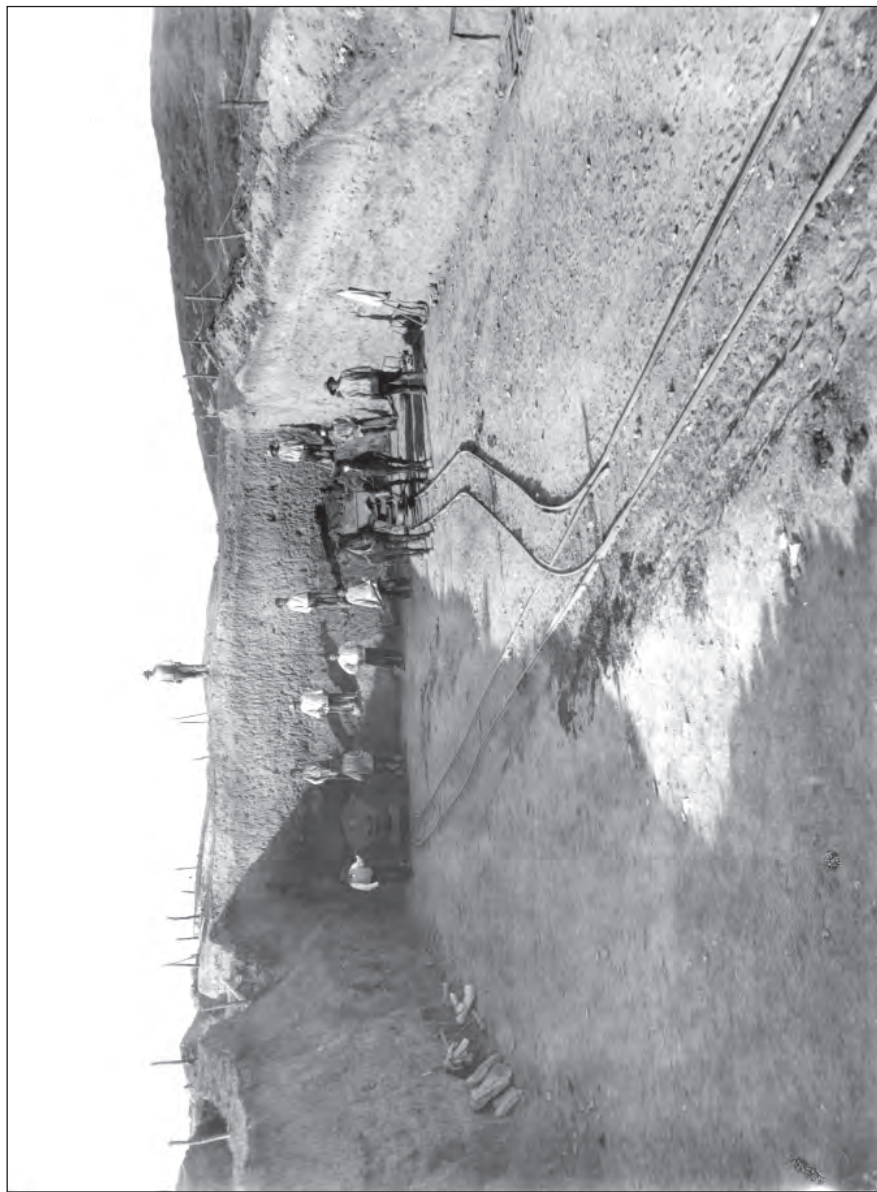

Рис. 103. Раскопки пантикапейского «пепелища» в 1908 г. [1908 г., д. 13, л. 58].

Рис. 104. Стела, обнаруженная в Керчи в 1911 г. [1911 г., д. 7, л. 235].

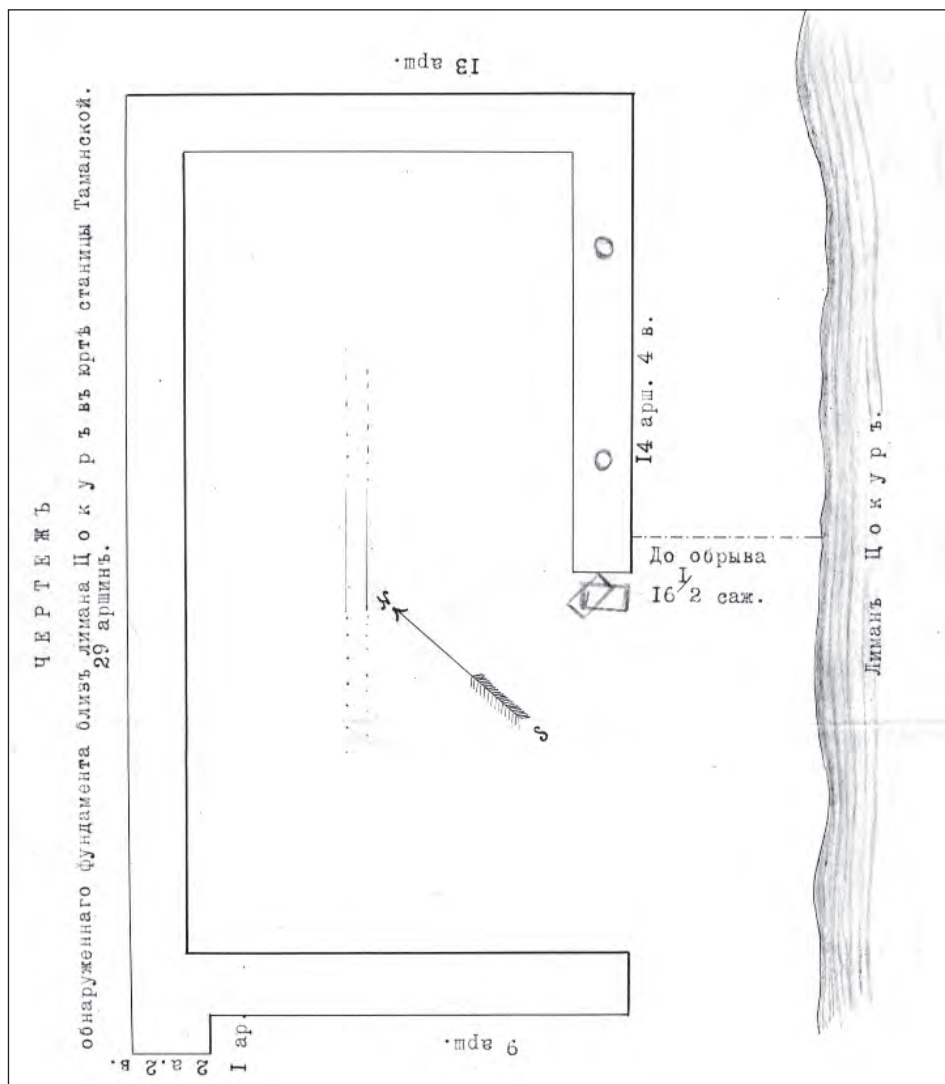

Рис. 105. План постройки, обнаруженной на берегу Цокур-Лимана [1902 г., д. 45, л. 8].

5.6. Некоторые итоги

Кратко резюмируя всё сказанное о деятельности Императорской археологической комиссии по изучению древностей Боспора Киммерийского в 1886–начале 1917 гг., когда во главе её стоял А.А. Бобринский, следует признать, что, несмотря на потрясения первой русской революции и даже начавшейся Первой мировой войны, она в целом развивалась достаточно позитивно. Успехи этого времени прежде всего следует связывать с изучением грунтовых некрополей Пантикапея, Мирмекия, на мысе Тузла и у хутора Кротенко. Очень интересные открытия были сделаны также в некоторых курганах: комплексы Зеленского кургана, склеп с мраморным саркофагом в Тамани и некоторые другие.

В изучении боспорских городищ, к сожалению, никакого прогресса за тридцать обозначенных лет не произошло. «Термы» и «храм Геркулеса», раскопанные К.Е. Думбергом в Пантикапее, свидетельствуют не о выдающихся археологических открытиях, а, скорей, о слабости методики исследований и почти детской наивности интерпретаций. Неудача поисков пантикапейского театра, предпринятых В.В. Шкорпиллом, в этом отношении тоже достаточно показательна. К концу деятельности Императорской комиссии городище Пантикапей всё ещё оставалось мало изученным [Блаватский, 1964, с. 8]. Явный застой в этой области весьма рельефно выступает на фоне масштабных раскопок, предпринятых Археологической комиссией в Херсонесе Таврическом (с 1888 г.) и в Ольвии (с 1901 г.) [см.: Стоянов, 2009; Виноградов, Мусин, 2009].

К концу XIX в. заметный прогресс стал ощущаться в сфере публикации памятников античной культуры, обнаруженных в Северном Причерноморье. Важным проявлением новых тенденций стало начало издания серии «Русские древности в памятниках искусства», осуществляемое И.И. Толстым и Н.П. Кондаковым. Два первых выпуска этой серии, посвящённые, соответственно, классическим древностям юга России и древностям скифо-сарматским, появились в 1889 г. (Толстой, Кондаков, 1889а; 1889б). Эти выпуски, безусловно, способствовали расширению интереса к изучению открытых к тому времени памятников классической культуры, а также в популяризации археологических знаний среди образованной публики России.

Позитивный сдвиг произошёл и в сфере публикации отчётов о раскопках, которые стали осуществляться с 1901 г. в рамках «Известий Императорской археологической комиссии» [Ростовцев, 1925, с. 178]. Первыми в этом издании были опубликованы краткие заметки К.Е. Думберга [Думберг, 1901; 1902], а затем более обстоятельные отчёты В.В. Шкорпила. Материалы некрополей стали даваться последовательно, с описания всех открытых погребений, что делает их вполне пригодными для современных исследователей [Шкорпил, 1903; 1904; 1905; 1907; 1909а; 1909б; 1910; 1911; 1914в]. Явный прогресс заметен также в сфере изучения боспорских древностей. В изданиях ИАК и некоторых других

стали появляться отдельные исследовательские статьи [Шкорпил, 1902; 1914а; 1914б; Беньковский, 1904; Ростовцев, 1904; 1912; 1914б; 1916; Фармаковский, 1904; Спицын, 1909; Радлов, 1912; Руднева, 1912; Энман, 1912; Алексеевская, 1915; Прушевская, 1917]. В серии «Материалов по археологии России» начали публиковаться работы более крупного формата. Среди них – исследование Ю.А. Кулаковского о боспорских расписных катакомбах [Кулаковский, 1891; 1896], исследование С.А. Жебелёва, посвящённое одной категории фигурных украшений боспорских деревянных саркофагов [Жебелёв, 1901], работа С.С. Лукьянова и Ю.П. Гриневича, посвящённая поздним краснофигурным вазам [Лукьянов, Гриневич, 1915]. Э.Р. фон Штерн исследовал керамические находки, происходящие из Феодосии [Штерн, 1906]. Огромное значение имел выход в свет крупной монографии М.И. Ростовцева о боспорских расписных склепах [Ростовцев, 1914а], которая и в наши дни остаётся в своём роде непревзойдённым, эталонным исследованием. Следует отметить также, что Императорская археологическая комиссия оказала полное содействие Г. Кизерицкому и К. Ватцингеру в подготовке издания «Надгробия Южной России», значительная часть которого посвящена боспорским материалам [Kieseritzky, Watzinger, 1909]. Это издание до сих пор не потеряло своего научного значения [см.: Боспорские надгробные рельефы, 1990, с. 4; Матковская и др., 2009].

Для изучения классической истории Северного Причерноморья понастоящему эпохальным событием стала публикация эпиграфических памятников, происходящих из этого региона. Знаменитые «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*» (IOSPE), три тома которых были подготовлены В.В. Латышевым (т. I – 1885 (I² – 1916); т. II – 1890; т. IV – 1901)¹⁵, вошли в золотой фонд отечественной науки [Ростовцев, 1925, с. 153-154; Жебелёв, 1955, с. 11]. Столь же эпохальное значение имело издание текстов античных авторов, писавших об этом регионе. Публикация древних текстов, знаменитая «*Scythica et Caucasia*», осуществлённая параллельно на древнегреческом (латинском) и русском языках, была подготовлена тем же В.В. Латышевым: том I (1890–1900) посвящён греческим авторам, том II (1904–1906) – латинским. Очень значимо также издание сборника научных трудов этого исследователя [Латышев, 1909], которым, как сразу же было признано, Императорская археологическая комиссия «оказала большую услугу всем, кому дорого и интересно историческое прошлое нашей обширной территории» [Новосадский, 1910, с. 298]. Необходимо подчеркнуть, что важность этой услуги ничуть не теряется с годами, даже через 100 с лишним лет после того, как она была оказана.

Российские археологи стали всё более активно включаться в мировой на-

¹⁵ Боспорские материалы опубликованы в томах II и IV. Том III был посвящён клеймам (амфорным и черепичным), а также граффити; он был подготовлен Е.М. Придиком, но так и не опубликован [Ростовцев, 1925, с. 154].

учно-исследовательский процесс, о чём отчасти говорилось выше. В начале XX в. стали собираться международные конгрессы историков [Лебедев, 1992, с. 259], первый из них прошёл в Афинах в 1905 г. (рис. 106), второй – в Каире (1909 г.) и третий – в Лондоне (1913 г.). Доклады российской делегации на последнем из них были изданы в 34 томе «Материалов по археологии России», три из них имеют немалое значение для изучения античных древностей Северного Причерноморья [Ростовцев, 1914в; Придик, 1914; Фармаковский, 1914]. И.А. Бороздин, как бы подводя итог деятельности ИАК на этом этапе, писал, что работы российских антиковедов стали входить «в общую историю античной культуры, которую уже нельзя теперь строить без русского археологического материала, представляющего весьма часто всемирно-историческое значение» [Бороздин, 1915, с. 2].

Рис. 106. С.А. Жебелёв в театре Диониса в Афинах [ФА, I 65490].